Глава пятая

КУНСТКАМЕРА АКАДЕМИИ НАУК В КОНЦЕ XVIII—НАЧАЛЕ XIX в.

Расцвет экспозиционной деятельности Академии Наук. Мировое значение новых коллекций Кунсткамеры. Создание института членов-корреспондентов и их роль в пополнении Музея. Коллекции с Камчатки, Алеутских островов и из Северной Америки. Коллекции из экспедиции Кука. Российско-американская компания. Кругосветные плавания Крузенштерна и Лисянского, Лазарева и Беллинсгаузена, Литке. Экспедиции в Бразилию и Антарктику и привезенные ими коллекции. Посольства в Японию и Китай. Отечественные поступления. Работники Музея. Каталог. Посетители. Кунсткамера в период Отечественной войны 1812 г. Восстановление экспозиции. Необходимость реорганизации музея

По мере приближения к грани XIX в. характер деятельности Академии Наук видоизменяется. Если в начале XVIII в. она являлась единственным крупным научным учреждением страны, то теперь, в связи с возникновением значительного количества научных обществ и учебных заведений, взявших на себя функции разработки отдельных отраслей наук и воспитания юношества, роль Академии несколько снижается. В 1765 г. основывается Вольно-экономическое общество, много сделавшее для изучения природных богатств и экономики различных областей России; в 1783 г. — Российская Академия, ставившая своей целью изучение русского языка и литературы; в 1805 г. — Московское общество испытателей природы. Московский университет, основанный еще в 1755 г., к тому времени значительно расширяет поле своей деятельности, далеко выходящей за рамки учебного процесса. Кроме него, в ряде городов возникают новые учебные заведения: Юрьевский (1802 г.), Казанский (1804 г.) и Харьковский (1805 г.) университеты.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

«Теряя свое монопольное положение, — указывает акад. С. И. Вавилов, — Академия в XIX веке не снижала, однако, своего научного уровня».[1] Научная продукция ее продолжала расти, но потребности страны были настолько велики, что удовлетворить их Академия была не в состоянии. Следует также отметить, что основной процент выпускаемых работ этого периода составляли теоретические труды, главным образом в области математики и физики. Преобладающее количество работ этого профиля объяснялось изменением состава академиков.

Несмотря на то что в России к этому времени вырастают уже многочисленные кадры отечественных ученых, многие из которых, как, например, В. М. Севергин, В. В. Петров, Н. Я. Озерецковский, И. И. Лепехин, П. Б. Иноходцев, А. Ф. Севастьянов, занимают почетное место на страницах отечественной истории, царское правительство, отчасти из-за преклонения перед наукой Запада, отчасти от опасения, что в Академию проникнет революционный дух, свойственный передовой части русской интеллигенции, всячески препятствовало увеличению процента русских академиков.

Состав иностранцев, приглашенных в Петербург, между тем, изменился в худшую сторону. Среди действительных членов Академии почти не встречается таких крупных ученых, какие имелись среди академиков первого созыва. Большая часть приезжих интересовалась главным образом своим материальным благосостоянием и занималась не столько наукой, сколько интригами, всячески оттесняя русских ученых и стремясь занять монопольное положение в Петербургской Академии Наук. Преобладание личных интересов над общественными, противопоставление себя всему русскому постепенно превратило академиков-иностранцев в замкнутую касту, питавшуюся доходами России, но мало интересующуюся нуждами ее. Отсюда вытекает и почти полное отсутствие работ практического порядка. Государственное же руководство наукой в это время совершенно отсутствует. Такое положение вещей нашло отражение и в деятельности Академического музея.

Просматривая поступления этого периода, мы убеждаемся, что основная масса их прибывала из внеакадемических источников. Они поступали главным образом из экспедиций других ведомств и от отдельных собирателей. Единственным исключением в этом отношении были члены-корреспонденты. Про-

[1] С. И. Вавилов. Академия Наук и развитие отечественной науки. Сб. «Вопросы истории отечественной науки», М., 1949, стр. 47.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

живая в самых различных пунктах нашего обширного государства и находясь в постоянной переписке в Академией Наук, они снабжали ее экспонатами, большая часть которых передавалась в Кунсткамеру.

«Класс академических корреспондентов, которые, будучи в отдалении отсюда, Академии Наук присылаемыми известиями пользу приносить в состоянии»,[1] был утвержден еще в январе 1759 г. Это почетное звание присваивалось различным путешественникам и ученым, не входившим формально в состав Академии, и в ряде случаев сопровождалось выплатой ежегодного содержания. Первым отечественным членом-корреспондентом был избран путешественник, краевед и любитель-минералог П. И. Рычков, затем переводчик и инспектор императорских садов в Астрахани Адриан Соколов, доктор медицины москвич И. Г. Энгель, А. М. Карамышев (г. Иркутск), Ф. О. Туманский (г. Глухов), горный инженер И. М. Ренованц (г. Барнаул), писатель и известный переводчик, один из первых биографов М. В. Ломоносова — М. И. Веревкин (Москва), неутомимый исследователь Астраханского края и Крыма, воспитанник Московского университета — К. И. Габлиц (Таврическая область), член Берг-коллегии — А. В. Раздеришин (Екатеринбург), а также И. Ф. Герман (Пермь).

В 1786 г. Кунсткамера получила от А. В. Раздеришина значительное количество различных экспонатов по зоологии, минералогии и палеонтологии,[2] а в 1790 г. — от И. Ф. Германа богатую коллекцию руд и минералов, собранных им при обследовании Урала и Сибири.[3] Сведения о поступлениях в Музей от И. Ф. Германа встречаются и в документах более позднего времени. Так, например, в начале XIX в. имеется запись о поступлении от него же минералов с Алтая.[4]

Сеть зарубежных корреспондентов представляла пеструю картину. Некоторые из них, как упомянутый выше Кельрейтер, являлись подлинными учеными и снабжали Академию научным материалом и готовыми работами, которые и публиковались в ее изданиях. Другие по существу были лишь агентами Академии, помогавшими установить обмен научными сведениями и коллекциями с зарубежными учеными и коллекционерами, а также присматривавшими интереснейшие достопримечательности и собрания для приобретения в Петербург-

[1] Труды Архива Академии Наук СССР, вып. 3, М.—Л., Изд. АН СССР, 1937, стр. 328.
[2] Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 26.
[3] Протоколы АН, т. IV, 1790, § 1.
[4] Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 25.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

скую Кунсткамеру. Через посредство корреспондентов и осуществлялся основной приток приобретений.

Наиболее активными из них являлись проживавшие в Лондоне Лев Ваксель и граф де-Бурнон, первый из которых несколькими годами позже своего избрания членом-корреспондентом Академии Наук переехал в Россию, в г. Тулу, где и прослужил до самой смерти (1816 г.) в качестве полковника корпуса инженеров путей сообщения. На страницах протоколов Конференции Академии Наук 90-х годов XVIII—начала XIX в. часто встречается его имя. С помощью Вакселя было приобретено «собрание по естественной истории»,[1] «разные натуралии»,[2] значительное количество книг,[3] образцы млекопитающих и птиц из Бенгалии, идолы с о-вов Таити (из коллекции, собранной капитаном Куком),[4] предметы культа из Новой Зеландии и другое.

Наряду с экспонатами, представлявшими интерес для естественной и исторической науки, по его рекомендации был приобретен и ряд предметов, не имевших никакого отношения к науке, так, например, вывеска лондонского трактира «Tzars head» («Царская голова»), названного так в честь Петра I, который в бытность свою в Лондоне якобы заходил туда завтракать перед работой.[5] Через посредство графа де-Бурнона было приобретено собрание минералов, насчитывавшее 378 образцов, и ряд других экспонатов [6].

Научный обмен с Португалией в те же годы осуществлялся через профессора Лиссабонского университета, лингвиста А. Г. Араухо,[7] с Германией — через некоего Алопеуса и профессора естественной истории Э. Х. Шульца,[8] со Швецией — через барона Г. Пайкуля,[9] а «знатнейшее» количество предметов из Китая, Тибета и Индии было прислано переводчиком Иерингом.[10]

---

[1] Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 112, л. 119.
[2] Там же, ф. 1, оп. 3, № 75, л. л. 78—80; ф. 2, оп. 1805, № 1, л. 19.
[3] Там же, ф. 1, оп. 3, № 75, л. 132.
[4] Там же, № 76, л. 79.
[5] Там же, оп. 2—1804 г., § 370; 1805 г., § 103; 1807 г., § 64, л. л. 1, 2 и др., § 331.
[6] Там же, оп. 1а, № 18; ф. 3, оп. 8, № 112, л. 131; 1807 г., §§ 242, 255 и др.
[7] Числился членом-корреспондентом Академии Наук с 22 августа 1791 г.
[8] Член-корреспондент Академии Наук с 28 июня 1798 г.
[9] Член-корреспондент Академии Наук с 1797 г.
[10] Архив МАЭ, Журнал поступлений 1719—1836 гг., стр. 65, 66, 71, 77, 78, 96, 105 и др.; Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 116, л. 4; № 26, л. 11 об., № 23 и т. д. — Иеринг (Iähring, Iährich) принимал участие

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

Круг лиц, снабжавших Кунсткамеру новыми коллекциями, не ограничивался членами-корреспондентами. Как уже упоминалось, к концу XVIII в. он значительно расширился, главным образом за счет внеакадемических экспедиций и отдельных собирателей. Количество этих собирателей, находившееся в прямой зависимости от неуклонно повышавшегося культурного уровня населения России, значительно возросло благодаря активной деятельности светских учебных заведений России.

Труды «физических экспедиций», опубликованные к тому времени, и коллекции, собранные в этих поездках и выставленные для обозрения, вызвали широкий интерес к исследованиям природных богатств и культуры отечества, а также к собирательству коллекций и способствовали дальнейшему сбору вещественных материалов. Их присылали и продавали люди самых различных профессий: ученые и ремесленники, инженеры и миссионеры, военные и мореплаватели, чиновники и геодезисты.

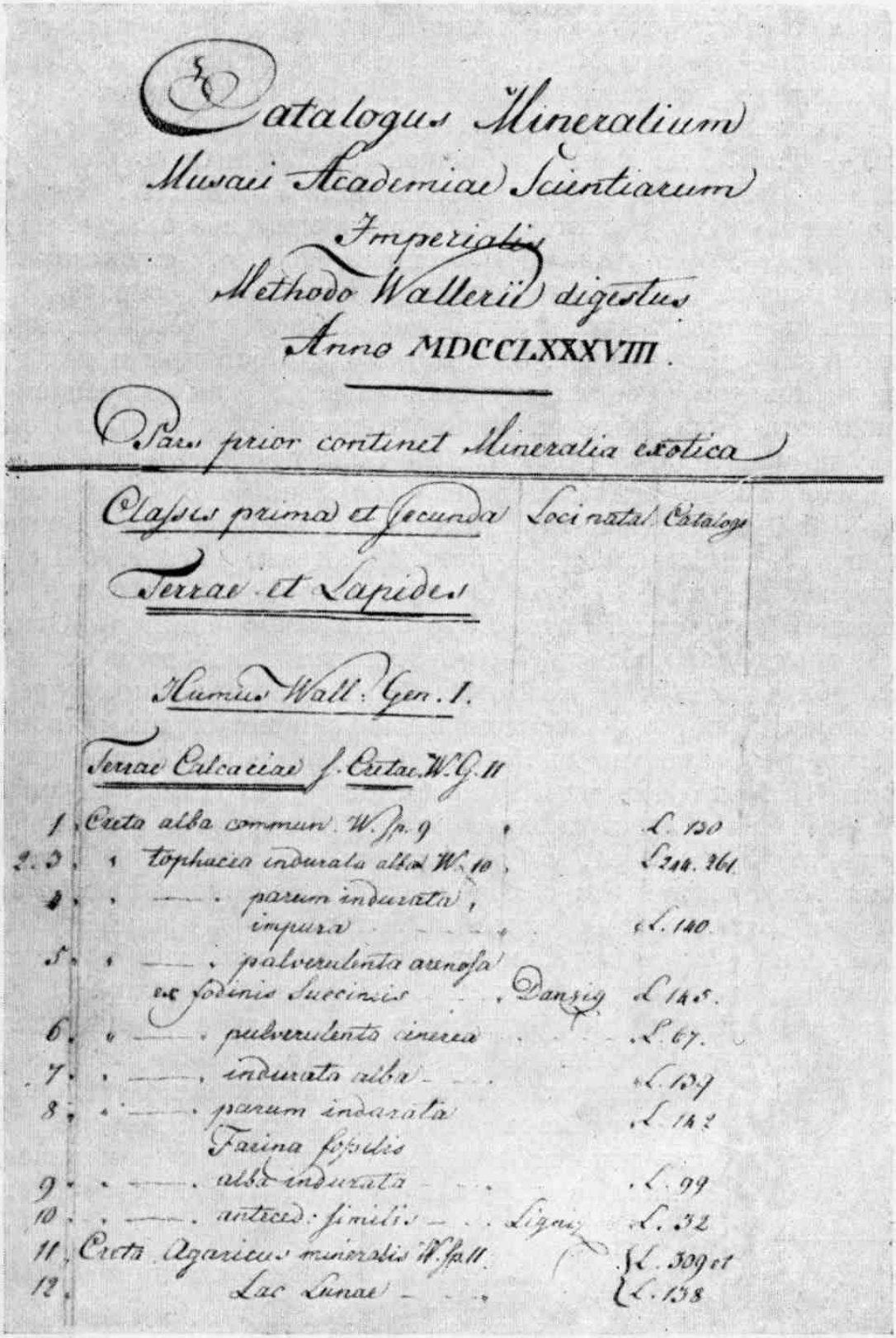
Интерес к народам, населяющим Камчатку, Курильские и Алеутские острова, а также западную оконечность Северной Америки, возник в нашей стране во второй половине XVIII в., в связи с освоением этих недавно открытых областей. Ряд коллекционных предметов с Курильских и Алеутских островов имелся в Кунсткамере, правда, уже и ранее, в 30-е годы XVIII в., однако крупные коллекции стали поступать лишь в конце XVIII—начале XIX в. Они прибывали от геодезистов, купцов, промышленников, но чаще всего присылались местными администраторами, действовавшими как по специальным правительственным инструкциям, так и самостоятельно. В одну из таких инструкций (1772 г.), предназначенных для иркутского губернатора, среди распоряжений военного и административного характера, касающихся Курильских островов, было включено предписание вести «наблюдение над нравами и обычаями жителей, а также о положении тех мест»[1] и отыскивать для Кунсткамеры животных, минералы и разные «курьезные» вещи, как то: «окаменелости, раковины, черепахи» и др.

В Архиве Академии Наук и в Журнале поступлений Музея антропологии и этнографии Академии Наук (т. I) имеются

в экспедиции Палласа и перевел на русский язык большое количество тибетских документов и сочинений (см.: Н. В. Кюнер. Описание Тибета, т. II, вып. 1. Владивосток, 1908, стр. 87—88).

[1] А. Сгибнев. Исторический очерк главных событий в Камчатке 1772—1816. Морск. сборн., т. III, 1869, № 7, стр. 9—10.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.



Catalogus Mineralium
Musaei Academiae Scientiarum
Imperialis
Methodo Wallerii digestus
Anno MDCCLXXXVIII.

Pars prior continet Mineralia exotica

	Classis prima et secunda	Loci natal.	Catalog.
	Terrae et Lapides		
	Humus Wall. Gen. 1.		
	Terrae Calcariae s. Cretae W. G. 11		
1	Creta alba commun. W. sp. 9		L. 130
2. 3	" tophacea indurata alba W. 10		L. 244. 261
4	" —— parum indurata, impura		L. 140
5	" —— palverulenta arenosa ex fodinis Succinis	Danzig	L. 145.
6	" —— pulverulenta cinerea		L. 67.
7	" —— indurata alba		L. 139
8	" —— parum indurata		L. 142
	Farina fossilis		
9	" —— alba indurata		L. 99
10	" —— anteced. similis	Lignitz	L. 32
11	Creta Agaricus mineralis W. sp. 11		L. 309 et
12	Lac Lunae		L. 138

Рис. 57. Каталог минералогической коллекции Кунсткамеры 1788 г. (Минералогический музей АН СССР, Москва).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

записи о поступлении коллекций от одного из правителей Камчатки — майора М. К. Бема. «Опись вещей, привезенных из Камчатки», составленная им (1780 г.), перечисляет следующие экспонаты: «пятнадцать эстампов (повидимому, зарисовок, — *Т. С.*), на коих изображены различных островов жители» («отаитская дама», «каледонский житель», «житель шаркачада» и др.), «камчадальское праздничное платье, парка называемое», «подушки», «каменный топор», «музыкальные инструменты», несколько опахал, ножи «из острова Уналашка, который лежит против американского мыса Аляска», «алеутская одежда» (рис. 58 и 59), модель байдары и ряд других экспонатов.[1] Все эти «курьезные» вещи, как мы узнаем из доношения Бема, были им приобретены и доставлены в Петербург на свой личный счет.[2] Им же были привезены и переданы в Кунсткамеру «разные вещи, вывезенные с Сандвичевых островов», собранные там английской экспедицией, возглавлявшейся капитаном Д. Куком. 18 апреля 1779 г. в Петропавловск-на-Камчатке зашли два английских корабля под командой капитана Кларка. Это были «Резолюция» и «Открытие», возвращавшиеся из 3-го путешествия, во время которого был убит капитан Кук. Встреченные гостеприимно, корабли простояли в порту 7 месяцев, произвели необходимый ремонт и были безвозмездно снабжены богатым запасом продовольствия. В благодарность за оказанное гостеприимство капитан Кларк при отъезде преподнес Бему для передачи в Петербург коллекцию редкостей, собранных им во время этого путешествия.[3] Коллекция эта сохранилась и в настоящее время находится в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР. Она состоит из 33 номеров и включает в себя опахала и шишаки из разноцветных перьев,[4] образцы оружия (Гавайские о-ва), мантии, нагрудники и ряд других принадлежностей мужского парадного костюма (о. Таити), цыновки (о. Тонга) и другие предметы быта.[5] Появление перечисленных экспонатов в Кунсткамере вызвало громадный интерес, ибо это была первая этнографическая коллекция с Сандвичевых островов, введенная в научный обиход, так как остальные

---

[1] Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 2; Архив ИЭ, Журнал поступлений МАЭ, т. I, стр. 59; т. II, стр. 114—118.

[2] Важнейшие обстоятельства жизни и службы бывшего Камчатского начальника Бема. Сев. архив, 1827, XIII, стр. 43.

[3] А. Сгибнев, ук. соч., стр. 24.

[4] Шишак из перьев красного и желтого цвета являлся непременным элементом одежды воина.

[5] Архив МАЭ, Журнал поступлений, т. II, стр. 114, колл. № 505.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

Рис. 58. Одежда алеутов из кишек животных. (Музей антропологии и этнографии АН СССР, Ленинград).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

коллекции, собранные экспедицией Кука, шли морским путем и попали в Англию на полгода позже, чем Бем доставил подарок Кларка в Петербург.

Несколько лет спустя (1810 г.) Кунсткамера обогатилась полным парадным костюмом «короля» с Сандвичевых островов, который был поднесен Музею членом-корреспондентом Академии Наук — директором Российско-американской компании, М. М. Булдаковым (рис. 60).[1] Он состоял из жезла красного дерева, шлема и мантии, искусно вытканных из мелких перьев красного и желтого цвета.[2] Каким путем этот костюм поступил к Булдакову, сведений не сохранилось; мы можем лишь предполагать, что он является тем самым костюмом, который был в 1807 г. поднесен гавайским королем Камеомео I в знак уважения бывшему правителю русских областей на территории Северной Америки — Александру Андреевичу Баранову.[3]

Первые упоминания о поступлении в Кунсткамеру коллекций с Американского континента относятся к 1782 г. Что это были за предметы, неизвестно, так как в сохранившейся записи имеется лишь глухое упоминание о поступлении «американских вещей».[4] В 1794 г. из личного собрания Екатерины II — Эрмитажа [5] — поступила коллекция, собранная «секретной» экспедицией под руководством капитана Н. И. Биллингса и Г. А. Сарычева, предпринятой в 1785—1793 гг. для исследования Берингова пролива и северо-западных берегов Северной Америки. В результате обследований, произведенных экспедицией, было составлено описание Чукотского полуострова и быта народов, населяющих его, нанесены на карту

[1] Архив МАЭ, Журнал поступлений, т. 1, стр. 48.

[2] Memoires de l'Academie Imperial de Sciences de St.-Petersbourg, t. III. Avec l'histoire de l'Academie pour les années 1809 et 1810, St.-Petersb., 1811, p. 40—41. — Этот костюм хранится в Музее антропологии и этнографии (колл. 517, № 1—2).

[3] Так называемый король Камеомео (Камегамега, Томеомео) был по существу военным вождем, подчинившим себе все Гавайские острова. О его взаимоотношениях с Барановым см.: П. И. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской Компании, ч. 1. СПб., 1861, стр. 169.

[4] Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 2.

[5] Эрмитаж как личное собрание царствующей фамилии основан в 60-х годах XVIII в. Екатерина II увлекалась коллекционированием, и во время ее царствования было приобретено большое количество картин, гравюр и медалей, но особенно богатым было собрание гемм, достигшее 10 тыс. подлинных образцов и более 34 тыс. слепков. Здесь же в 80-е годы подбирается богатейшая коллекция минералов, собирание которых было поручено акад. П. С. Палласу (А. Сусло в. Эрмитаж. Краткий исторический очерк. Л., 1927, стр. 18).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

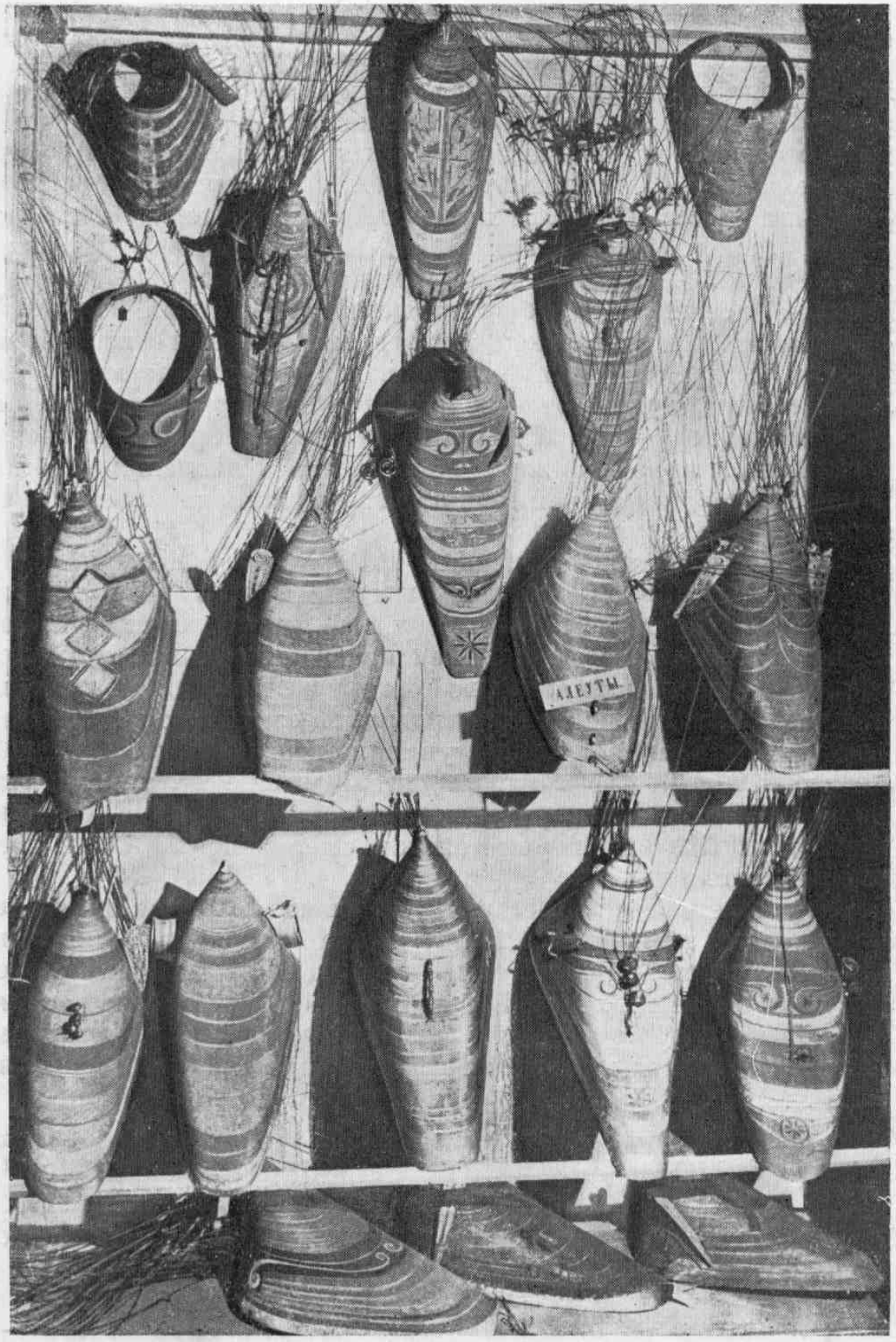


Рис. 59. Охотничьи шляпы алеутов. (Музей антропологии и этнографии АН СССР, Ленинград).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

побережье Охотского моря, Алеутские острова и берега Северной Америки вплоть до о. Калька,[1] а для отечественных музеев собрано большое количество экспонатов.

В этой коллекции имелось 156 птиц и животных «с Восточного океана» и 78 «платей и инструментов», «оружия и орудий». Основная масса собранных предметов характеризовала быт чукоч, ламутов и других народов, населяющих крайний северо-восток Азии, а также предметы с «островов против Америки лежащих» («алеутская парка из птичьих животов», «рубаха из кишек морских животных», «ожерелье из зубов», корзины и др.), с Гавайских островов (одежда из меха суслика, стрелы, лук) и от «американцев» (т. е. североамериканских индейцев, — *Т. С.*), которые живут «против чукчей», а именно: 2 лука, кинжал, очки против ослепления, краски и кисти американских женщин, стрелы, накидка военная из перьев и ряд других предметов.[2]

Основной приток коллекций по природе и быту народов Северной и Южной Америки все же относится к началу XIX в. Сбор их и доставка большей частью были связаны с деятельностью Российско-американской компании и кругосветными путешествиями, ею организованными. Значительная часть этих коллекций по этнографии сохранилась до наших дней и представляет собою уникальную ценность, так как включает в себя предметы, характеризующие культуру и быт ряда племен североамериканских индейцев, которые вымерли или были физически уничтожены американской «цивилизацией»[3] (рис. 61).

Кругосветные путешествия, совершенные русскими мореплавателями в начале XIX в., «составили эпоху в истории географической науки».[4] Они возникали в поисках более удобных и дешевых путей сообщения с русскими владениями в Америке и обогатили мировую науку крупнейшими открытиями. Благодаря этим путешествиям было найдено и нанесено

---

[1] Описание этого путешествия см.: Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному Океану в продолжении осьми лет при Географической и Астрономической Морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год, ч. ч. I, II. СПб., 1802.

[2] Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1894, г. § 164; ф. 2, оп. — 1827 г., № 3, л. 13; ф. 3, оп. 8, № 14.

[3] См. коллекцию И. Г. Вознесенского (Архив МАЭ, колл. №№ 570, 571, 593, 620, 868 и др.).

[4] Л. С. Берг. Очерки по истории русских географических открытий. М.—Л., 1949, стр. 127.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

Рис. 60. Костюм военного вождя Гавайских островов. (Музей антропологии и этнографии АН СССР, Ленинград).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

на карты мира множество островов в Тихом Океане и Антарктике, открыт материк Антарктида, исправлены ранее составленные карты, накоплен громадный фактический материал по океанографии, ихтиологии, биологии, зоологии, ботанике и этнографии большого количества совершенно неведомых до того времени областей и народностей.

Первое кругосветное плавание русскими было совершено на морских судах «Надежда» и «Нева» под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского. Оно продолжалось более 3 лет (1803—1806 гг.) и обогатило науку громадным фактическим материалом по островам Тихого Океана, Камчатке, Японскому морю, Сахалину и русским владениям в Америке. Так, например, экспедицией были произведены многочисленные съемки в северо-западной части Тихого океана, собран громадный материал по этнографии и языкам ряда народов, позволивший составить словари южносахалинских айнов и чукоч, коллекции по естественно-историческим дисциплинам. Руководители этой экспедиции — Н. П. Резанов и И. Ф. Крузенштерн — были избраны членами-корреспондентами Академии Наук и получали устные и письменные инструкции от академиков. Так, И. Ф. Крузенштерн для усовершенствования в астрономических наблюдениях консультировался с акад. П. Б. Иноходцевым,[1] а для руководства сбором материала для Кунсткамеры был снабжен письменными наставлениями академиков В. М. Севергина и А. Ф. Севастьянова под названием «Инструкция для предполагаемого путешествия около света по части минералогии и в отношении феории земли»[2] и «Инструкция по части зоологической».[3]

Чтобы облегчить сбор коллекций, экспедиция запаслась различными предметами для обмена: яркими тканями, инструментами, безделушками и т. д. Инструкторская деятельность Академии не пропала даром,[4] и уже в скором времени в Петербург были привезены экспонаты, пересланные с различными оказиями. Ряд отметок о такого рода поступлениях имеется в Протоколах Конференции Академии Наук за 1804—1805 гг.

---

[1] Протоколы АН, т. IV, стр. 1033, § 337.
[2] Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1803 г., § 169.
[3] Там же, § 176.
[4] Работники Академии инструктировали и участников других экспедиций. В Архиве АН сохранились инструкции В. М. Севергина, А. Ф. Севастьянова и Г. А. Смеловского, составленные для отправлявшегося в Бухару офицера генерального штаба Гавердовского, инструкция для членов «духовной миссии» в Китай и др. (см.: Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1802 г., § 345; ф. 2 — 1819 г., № 41, л. л. 3—109, и т. д.).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

Рис. 61. Одежда атабасков из замши. (Музей антропологии и этнографии АН СССР, Ленинград).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

Так, 1 мая 1804 г. была сделана запись о присланных «из кругосветного вояжа» 26 рисунках редких птиц, а также упоминалось, что получено извещение о высылке 2 коллекций. Первая из них, состоявшая из заспиртованных насекомых и животных, была отправлена морским путем, а вторая, состав которой не перечисляется, — сухопутным.[1] Однако основные собрания путешественники привезли сами в 1806 г. Одна часть из них была передана в Музей Адмиралтейского департамента,[2] другая 9 декабря 1806 г. была поднесена капитаном Лисянским Петербургской Кунсткамере с описью, озаглавленной «Каталог искусственным вещам и одежде разных европейских, азиатских и американских народов».[3] В этом каталоге имелось 83 номера и под каждым числились различные этнографические предметы с Сандвичевых островов («идол сандвичский», оружие, утварь, веера, куклы, сетки для рыбы, 7 образцов тапа — материала из подкоркового слоя дерева), с Маркизовых островов (6 образцов ткани, миска, топор и «голова маркезская, разбитая камнем во время сражения»),[4] а также значительное число экспонатов из Северной Америки. Последняя группа предметов характеризовала одежду и утварь, средства передвижения, промыслы и религию колошей[5] и других североамериканских племен, обитавших близ центра русских поселений в Тихом океане — о. Кадьяка.[6]

В документах не имеется никаких указаний о той помощи, которую оказывали при сборе этих коллекций работники Российско-американской компании, и в частности правитель ее А. А. Баранов. Однако биографы Баранова подчеркивают интерес этой яркой личности к музейным ценностям. В своей резиденции на о. Ситхе, впоследствии получившем его имя, Баранов устроил нечто вроде музея, в котором имелись образцы живописи, скульптуры, а также художественно оформленные изделия местных жителей, быт и обычаи которых были ему хорошо известны.

В качестве натуралиста в первом кругосветном плавании принял участие акад. Г. И. Лангсдорф. Им были собраны об-

---

[1] Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1804 г., § 203.
[2] Там же, ф. 2, оп. — 1827 г., № 3, л. 13.
[3] Там же, ф. 142, оп. 1 — 1719—1927 гг., № 108, л. 1.
[4] Там же, ф. 1, оп. 2 — 1807 г., § 20.
[5] Там же, ф. 142, оп. 1, № 108, л. л. 2—8; Архив МАЭ, Журнал поступлений за 1719—1836 гг., стр. 44 и др.
[6] Остров Кадьяк считался административным центром русских владений в Америке с 1784 по 1804 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

ширные коллекции птиц и животных,[1] а также составлены 3 каталога бразильских пернатых, которые и были пересланы в Кунсткамеру Н. П. Резановым.[2] Лангсдорфом же были подобраны значительные коллекции насекомых и рыб.[3] Он возвратился из путешествия в 1806 г., а в 1808 получил предписание выехать «для наблюдения естественной истории» в Бухару, однако, в связи с отменой отправлявшейся туда торговой миссии, доехал лишь до Оренбурга [4] и ограничился сбором коллекций в степном крае России, которые также передал в Кунсткамеру. Несколькими годами позже (1812 г.) этот неутомимый исследователь отправился в Бразилию, где продолжал свои изыскания, снабжая Петербургскую Кунсткамеру богатейшими коллекциями.[5] За время с 1812 по 1829 г. он совершил 2 длительные экспедиции по Бразилии, первоначально (1812—1820 гг.) в качестве русского консула, а затем (1820—1829 гг.) как руководитель комплексной экспедиции, в которую входили ботаник, зоолог и 3 художника. Основная масса собранных ими коллекций освещала естественную историю этой страны, столь мало известной в начале XIX в. Вот краткий перечень доставленных им в Кунсткамеру коллекций: 1815 г. — собрание птичьих шкурок (рис. 62) из Бразилии;[6] 1821 — коллекция по зоологии, включающая в себя шкуры и чучела редчайших видов обезьян (Cavia capibora, cavia acutu и др.), шкурки птиц (365 видов), в числе которых имелись крайне редкие виды хищников, а также прекрасный экземпляр каймана; [7] в конце того же года — еще 13 ящиков, содержащих шкурки птиц, различных млекопитающих, минералы (шпаты, хрустали, кварцы, различные руды, кусок ископаемого дерева, уголь «в зернах», «фарфоровая земля») и другие коллекции, всего в количестве свыше 1400 предметов, а также гербарий и собрание насекомых, насчитывающее более 12 000 образцов. [8] В 1822 г. была доставлена большая коллекция по флоре и фауне Бразилии. В числе собранных предметов име-

[1] Шкурки этого собрания были обработаны и набиты чучельщиком П. Филипповым, работавшим в последующие годы при Кунсткамере и совершившим ряд поездок с аналогичными целями (Архив АН, ф. 2, оп. — 1805 г., № 1, л. 25).

[2] В. Ф. Гнучева. Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX в. М.—Л., 1940, стр. 150.

[3] Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1808 г., §§ 192, 199 и др.

[4] Там же, §§ 315, 437 и др.

[5] Н. Г. Шпринцин. Экспедиция академика Лангсдорфа в Бразилию. Сов. этногр., 1936, № 1, стр. 110.

[6] Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1815 г., § 61, №№ 1—16.

[7] Там же, оп. — 1821 г., § 118, л. л. 1 и 2.

[8] Там же, § 207, л. л. 1 и 2.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

лась шкура боа-констриктора,[1] а также ряд коллекций по этнографии, в частности прекрасные зарисовки жилищ, утвари, костюмов и оружия бразильских племен и их антропологических типов.[2]

Рис. 62. Бразильская птица из Кунсткамеры. Гравюра 1823 г.

Особую гордость Лангсдорфа вызывало одно из энтомологических собраний, насчитывавшее более 6000 образцов,[3] специ-

[1] Архив АН, ф. 3, оп. 1805 г., № 1 — 1805—1829 гг., л. л. 89—91.
[2] Н. Г. Шпринцин, ук. соч., стр. 3—6. — Некоторые из привезенных им птиц описаны Севастьяновым в «Трудах Академии Наук», 1823, ч. 2, стр. 174—177.
[3] Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1821 г., § 118, л. л. 1 и 2.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

альное собрание редчайших бабочек из Бразилии, Новой Голландии и Китая, которые были частично собраны самим ученым, а частично выменены им же на дублеты.[1] Часть этих насекомых (4300 экземпляров) была описана в «Видовом каталоге», составленном Лангсдорфом, и датирована 15 июня 1821 г. Этот каталог, сохранившийся до наших дней в Архиве Академии Наук СССР, начинается с краткого описания природы Бразилии и, в частности, ее растительного мира, способствовавшего развитию столь большого количества травоядных насекомых «самых причудливых по форме, самых блестящих и разнообразных по окраске и наиболее интересных для науки».[2] Из введения к этому каталогу известно, что он был составлен Лангсдорфом по классификации, апробированной видным энтомологом того времени П. А. Латрейлем.[3] Весь включенный в него материал разделен, в соответствии с последними классификациями того времени, на 7 отрядов, а именно: отряд жесткокрылых, прямокрылых, полужесткокрылых, сетчатокрылых, чешуйчатокрылых, двукрылых и паукообразных.

В письме, сопровождавшем присланные им коллекции и адресованном в Конференцию Академии Наук, Лангсдорф просил «принять сии предметы в знак его безкорыстия, приверженности и усердия к усовершенствованию естественных наук».[4] В ответном письме Конференция сообщала, что отдает полную справедливость «сим чувствам» ученого и принимает присланные коллекции для «обогащения Музея с достодолжной благодарностью».

Это подношение обогатило Кунсткамеру Петербургской Академии Наук многочисленными коллекциями по Бразилии, равных которым не было ни в одной стране Европы.

В 1819 г. для открытия новых земель в Антарктике Морское министерство снарядило на судах «Восток» и «Мирный» экспедицию. Начальником Первой русской антарктической экспедиции и капитаном флагманского корабля «Восток» был назначен участник первого русского кругосветного путешествия — Ф. Ф. Беллинсгаузен, а командиром «Мирного» — опытный моряк, впоследствии знаменитый адмирал М. П. Лазарев.

---

[1] Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1819 г., § 32, л. л. 1 и об., 2 и об.

[2] Там же, оп. 2 — 1821, § 225, л. л. 2—7.

[3] П. А. Латрейль — французский естествоиспытатель, президент Общества энтомологов, будучи последователем системы Линнея, углубил ее в части энтомологической и выпустил значительное количество работ, посвященных этой тематике.

[4] Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1821 г., § 118, л. л. 1 и 2.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

Для того чтобы «приумножить сведения о земном шаре и ознакомить дикие народы с европейцами, а европейцев с дикими, также приумножить познания в Естественной Истории», в состав экспедиции был введен проф. астрономии Симонов, «по живописной части» — акад. П. Н. Михайлов, а в качестве естествоиспытателей — некий Мертенс и Кунце.[1] Однако в последний момент оба они ехать отказались, и экспедиция осталась без биологов. «Мы, — возмущенно писал Беллинсгаузен, — сожалели и теперь сожалеем, что не было позволено итти с нами двум студентам по части естественной истории, из русских, которые сего желали, а предпочтены им неизвестные иностранцы».[2]

В соответствии с инструкциями Адмиралтейства экспедиция должна была производить астрономические, океанографические и метеорологические наблюдения, а в случае открытия новых земель определять их местоположение и заносить на карту. На всех местах стоянок предписывалось подробно узнавать «нравы народов, их обычаи, религию, военные орудия, род судов, ими употребляемых».[3] «По части химии, — говорилось далее в инструкции, — нужно обращать внимание по всем изысканиям, до сей науки относящимся, замечать краски, употребляемые народами для окрашивания их изделий», и др. «По анатомической части. . . вникать в познание всего того, что относится до изменений в человеческом роде, как-то: в цвете, росте, сложении и проч.», не упуская также возможности разузнать внутреннее строение тел неизвестных народностей. По зоологии — собирать наблюдения «относительно сей части и сколько возможность позволит — коллекцию». По минералогии и ботанике — собирать фактические данные и коллекции, подробно записывая свойства тех, которые еще мало известны. Живописцам предписывалось увековечивать верное изображение всех заслуживающих любопытство предметов,[4] как то: «виды всех мест, примечательных, где случится быть, также портреты народа, их одеяние и игры».[5]

---

[1] Двукратные изыскания в южном Ледовитом Океане и плавания вокруг света в продолжении 1819, 20 и 21 годов, совершенные в шлюпах Восток и Мирный под начальством капитана Беллинсгаузена, ч. 1. СПб., 1831, стр. 12—13.

[2] М. Райхенберг. Русские в Антарктике. Наша страна, 1939, № 3, стр. 31.

[3] Беллинсгаузен, ук. соч., стр. 20.

[4] Там же, стр. 40—41.

[5] Л. С. Берг. Русские открытия в Антарктике. Изв. Геогр. общ., 1949, № 2.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

Командир экспедиции должен был вести дневник, в который следовало заносить «все, что случится увидеть где-нибудь нового, полезного, или любопытного, не только относящегося к морскому искусству, но и вообще служащего к распространению познаний человеческих».[1] Составленный дневник представляет собой 2-томное сочинение, подробно описывающее ход путешествия. На страницах его неоднократно встречаются упоминания и описывается, каким образом происходило приобретение или, вернее, выменивание коллекций для Музея. Дневник упоминает об упаковке «различных изделий», а кое-где перечисляет их. Так, например, на о. «Отаити» (Таити, — *Т. С.*) были с этой целью выменены «разные отаитские ткани», «пики и другие оружия», «ракушки»,[2] «крючки из раковин», «кораллы» и другие «собранные редкости».

Плавание «колумбов» Антарктики, Беллинсгаузена и Лазарева, продолжалось 751 день и имело своим результатом значительное количество открытий: суда обогнули Антарктический материк, открыли и нанесли на карту ряд новых земель и островов [о-ва Моллера, Барклая-де-Толи, Ермолова, Кутузова, Чичагова (Полинезия), Петра I (Арктика) и др.]; собрали громадный фактический материал по различным областям знаний и богатые коллекции для русских музеев. Коллекции эти, состоявшие «из различных естественных произведений (главным образом чучела зверей и птиц, — *Т. С.*), одежды и орудий диких народов», были переданы в 1828 г. в Кунсткамеру, являя собой памятники русских открытий в Антарктике.

Географические открытия завоевали нашему отечеству преимущественные права на охоту в водах Антарктики, которые советскими китобоями успешно используются и по сей день.

Одновременно с этими коллекциями в Кунсткамеру из Адмиралтейского музея поступило еще большое количество экспонатов, переданных туда русскими путешественниками и «морскими офицерами, совершившими плавание вокруг света».[3]

В 1826—1829 гг. было совершено очередное кругосветное плавание, на этот раз на кораблях «Сенявин» и «Моллер», под командованием Ф. П. Литке и М. Н. Станюковича. Описанию

---

[1] Л. С. Берг, ук. соч., стр. 35.
[2] Там же, стр. 27, 42.
[3] Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1827 г., § 462; ф. 2, оп. — 1827 г., № 3. л. 13.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

этого путешествия посвящен труд Ф. П. Литке «Путешествие вокруг света на военном шлюпе „Сенявин“».[1]

Помимо большого числа открытий в области географии и океанографии, экспедиция, в состав которой входили адъюнкт Академии Наук ботаник А. К. Мертенс, адъюнкт минералог и одновременно художник А. Ф. Постельс и художник Г. Китлиц, собрала значительный материал по есте-

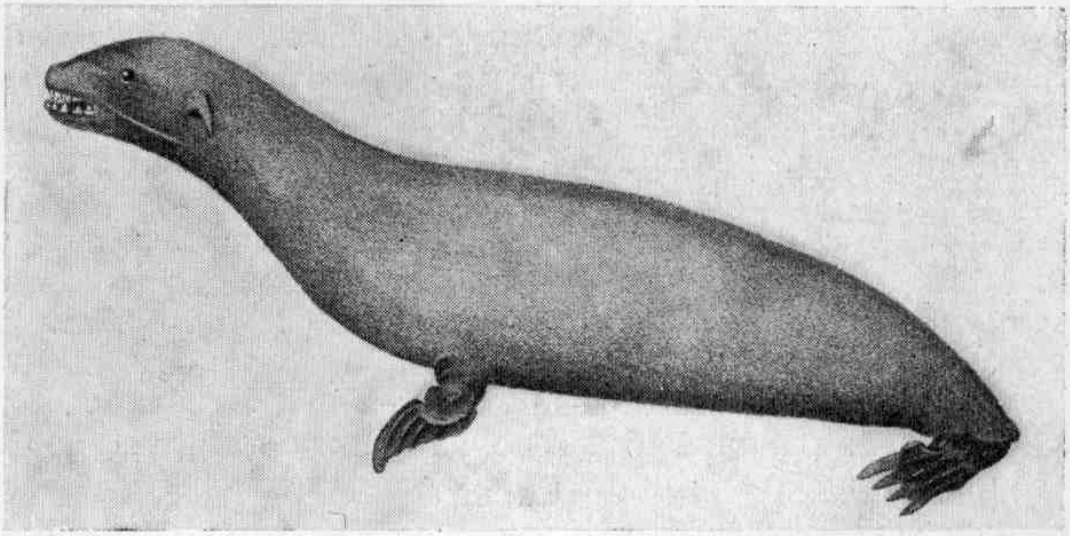


Рис. 63. Золотой тюлень из Кунсткамеры. Гравюра 1823 г.

ственной истории и этнографии посещенных ею областей. Для характеристики собранных коллекций обратимся к записям самого Ф. П. Литке. В области зоологии, сообщает он, «собрано несколько редких видов летучих мышей и один новый вид тюленей (рис. 63); сто видов пресмыкающихся животных, триста видов рыб, сохраненных в спирте, многие между ними еще мало известны, а другие совершенно новые, сто пятьдесят видов черепокожих, около семисот видов насекомых, значительное собрание раковин, 300 видов птиц в 750 экземплярах» и др.[2]

По ботанике, сообщает Литке, был собран травник, заключающий до 2500 явнобрачных растений с включением папоротников, «собрание поростов или фикусов, которые по коли-

[1] Литке. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин». СПб., 1834—1836.

[2] Этим собранием впоследствии очень заинтересовался известный французский палеонтолог, автор зоологической классификации, Кювье, который тщательно изучил эти коллекции и дал названия всем новым видам.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

честву и разнообразию заключающихся в нем неделимых, едва ли найдет себе подобное среди привезенных подобной экспедицией»; по геологии: «горнокаменные породы — число их простирается до 330», по этнографии: «общими трудами составлено богатое собрание одежды, орудий, утвари и украшений».[1]

Наиболее редкие экземпляры рыб, птиц, животных и бытовых предметов на месте были зарисованы художниками экспедиции. Эти зарисовки составили большой альбом,[2] отдельные рисунки из которого были опубликованы в трудах Ф. П. Литке.

В сентябре 1829 г. по договоренности с начальником Главного морского штаба, А. С. Меншиковым, было решено «все привезенные на шлюпе „Сенявин" вещи к естественной истории и художествам принадлежащие, кроме предметов до мореплавания и морских наук относящихся, кои должны остаться в морском ведомстве», передать в ведомство Академии Наук.[3] Собранные коллекции были сданы участнику экспедиции, ботанику Мертенсу, который в возмещение за издержки, понесенные им для Академии в продолжение совершенного им путешествия (приобретение инструментов, стеклянных и фарфоровых сосудов, химикалиев, бумаги, красок и «разных вещей, назначенных в подарок обитателям южного моря»), получил крупное денежное вознаграждение.[4] Научный архив экспедиции также поступил в ведение Академии Наук.

Существенный вклад в дело обогащения отечественных музеев, в том числе и Кунсткамеры Академии Наук, зарубежными коллекциями внесли также различные русские люди, выезжавшие за пределы страны в составе торговых или дипломатических миссий.

А. К. Лаксман, сын уже известного нам акад. К. Г. Лаксмана, был в 1792—1794 гг. послан в Японию для переговоров об установлении торговых отношений. Свое пребывание в этой стране он использовал и для сбора коллекций, каталог которых опубликовал в печати.[5] Часть этого собрания («60 раковин и других морских произведений, как из царства животных, так и из царства растений», «18 животных и насекомых сохраненных в винном спирте», «травник, состоящий из 65 полевых растений», «столько же зоофитов и морских произведений и

---

[1] Ф. П. Литке, ук. соч., М., 1848, стр. 10—11.
[2] Архив АН, р. IV, оп. 1, №№ 79—84; ф. 51, оп. 1, № 95 и др.
[3] Там же, ф. 5, оп. 1 — 1829 г., № 20, л. л. 1, 2.
[4] Там же, № 31, л. 1.
[5] Nova Acta Academia, т. XIII за 1794 год, СПб., 1801, стр. 26—38.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

несколько еще других редкостей Алеутских островов») была передана в Академию 16 июля 1794 г. В 1795 г. поступила другая коллекция из Японии, состоявшая главным образом из предметов искусства и быта. В ней значительный интерес представляли панно, исполненные на бронзовых досках черным лаком и золотом, одно из которых изображало вид Петербурга, срисованный, по всей вероятности, с завезенной туда современной русской гравюры (рис. 64). Сам факт изготовления панно на подобную тему представляет для нас интерес, ибо свидетельствует о наличии у японского народа интереса к русскому государству и, в частности, к облику столицы его. Помимо указанных выше предметов, в реестр были занесены образцы портретной живописи, акварели, различная лакированная утварь, монеты, разноцветная бумага, тушь, модель паланкина, оружие и т. д.[1]

Получение японских коллекций значительно обогатило Кунсткамеру, так как известно, что вплоть до середины XIX в. Япония не впускала на свою территорию иностранцев и отказывалась торговать с ними, почему и культура этой страны была весьма мало изучена.

Это поступление от Лаксмана было не единственным. В архиве имеется ряд документов, показывающих, что он и в более поздние годы был ревностным пополнителем Музея, особенно в области минералогии.[2]

В начале 1805 г. русское правительство отправило чрезвычайное посольство в Китай. Наряду с дипломатами в состав его были включены проф. астрономии Ф. И. Шуберт и 3 адъюнкта Академии — М. И. Адамс (зоолог и врач), И. И. Редовский (ботаник) и Ю. Клапрот (лингвист). Посольство направилось в Пекин по маршруту Иркутск—Кяхта—Троицкославск, но, в связи с возникшими разногласиями по вопросам церемониала (китайские чиновники требовали унизительных для представителей русского государства ритуалов), оно далее Урги не поехало и вскоре возвратилось назад. В результате этой поездки 3 марта 1806 г. Конференция получила несколько ящиков с засушенными растениями и семенами (более 222 образцов), которые были собраны Редовским по пути из Екатеринбурга в Кяхту.

Члены посольства вернулись в Петербург, а оставшийся в Иркутске Редовский прислал проект экспедиции в мало исследованные районы северо-восточной Сибири. 9 июля 1806 г.

---

[1] Архив АН, ф. 3, оп. 8, №№ 12, 14, л. л. 6 и 7.
[2] Там же, ф. 1, оп. 2 — 1806 г., § 35.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

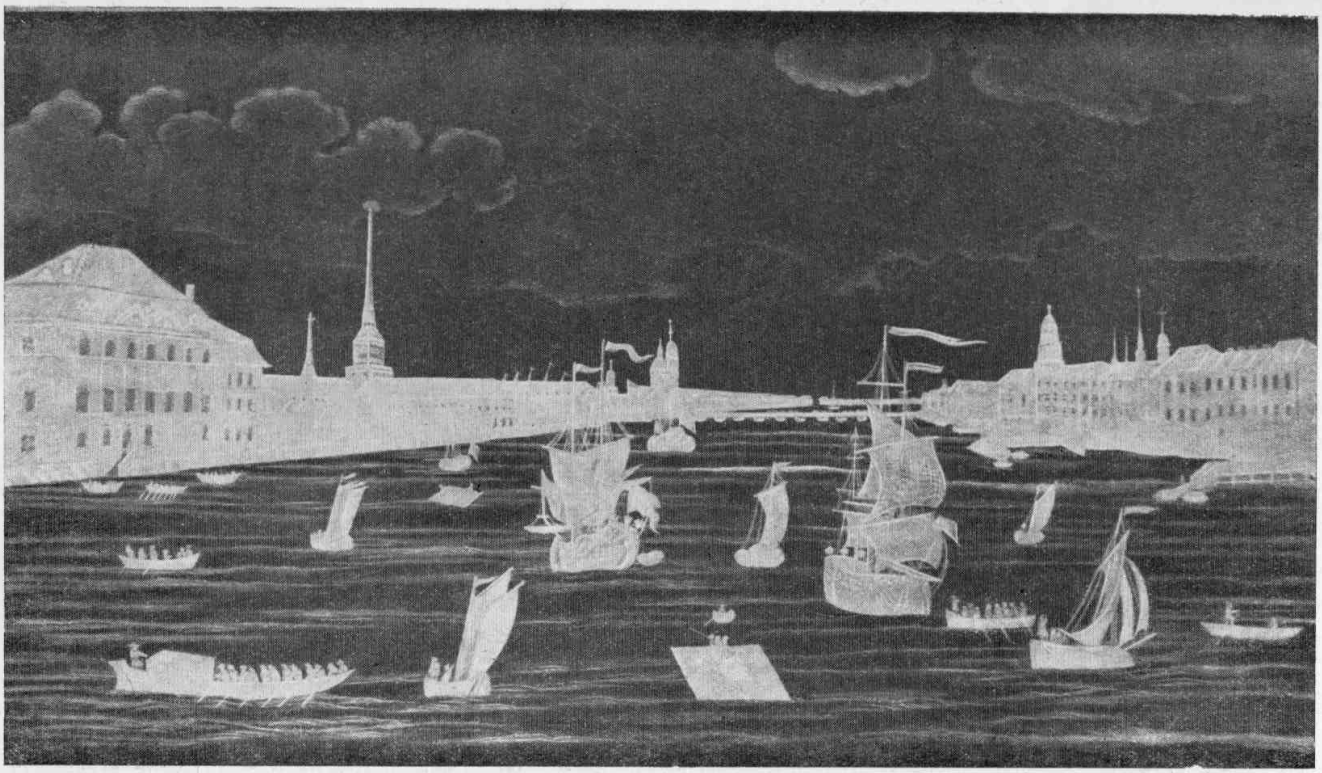


Рис. 64. Вид Петербурга. Роспись лаком по бронзе. Япония, 1795 г. (Музей антропологии и этнографии АН СССР, Ленинград).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

Конференция Академии Наук проект этот утвердила и предписала Редовскому отправиться вместе с геодезистом Кожевиным для обследования Камчатки и Курильских островов.[1]

Для оснащения экспедиции были выделены барометры, термометры, гидрометры и другие инструменты и книги,[2] а также написаны две инструкции. Первая из них посвящалась зоологии и указывала, что «хотя земля Камчатка относительно ее топографии и нравов жителей изящно описана бывшим там в 1738-м году профессором Крашенинниковым. . . но многие описания животных. . . весьма темны». Она перечисляла животных, особенно нуждающихся в дополнительном описании, и инструктировала относительно «орудий, нужных зоологу», — луп, микроскопов, щипчиков и других инструментов.[3] Эта инструкция была написана акад. А. Ф. Севастьяновым; другая, «по части ботанической», — акад. Г. А. Смеловским.[4]

Экспедиция не была доведена до конца, ибо прервалась в Гичжинске из-за смерти Редовского.

7 апреля 1808 г. Конференция Академии Наук получила 2 ящика, содержащие коллекцию минералов, собранную Редовским,[5] и коллекцию насекомых, присланную на его имя, каталог которой имел 119 названий.[6] Из отчета о «наследии покойного Редовского» видно, что в Академию поступил ряд ящиков, включавших его архив, гербарий и набор тибетских лекарственных растений. Растения прибыли в довольно скверном состоянии, но петербургские ботаники приложили все усилия, чтобы спасти хотя бы часть из них, ибо в гербарии находились совершенно неизвестные растения, дотоле «невиданные еще ни одним ботаником».[7]

Другой участник несостоявшегося посольства в Китай, адъюнкт М. И. Адамс, в 1806 г. был отправлен в устье р. Лены для естественно-исторического исследования края и отыскания трупа мамонта, который был обнаружен в бухте на побережье Ледовитого океана купцом Романом Болтуновым еще в 1803 г. В результате этой поездки Кунсткамера обогатилась скелетом мамонта, 5 ящиками со шкурками птиц, 3

---

[1] Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1806 г., § 265.
[2] Там же, § 266.
[3] Там же, ф. 37, оп. 1, № 4.
[4] Там же, № 3.
[5] Там же, ф. 1, оп. 2 — 1808 г., § 123.
[6] Там же, § 146.
[7] Там же, § 145.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

ящиками ценных растений, собранных в районе р. Лены, и 7 ящиками с коллекцией минералов.[1]

Существенную помощь в обогащении Кунсткамеры коллекциями оказывали дипломатические представители России в зарубежных странах. Так, например, гербарий североамериканских растений, состоявший из 6 томов с подробными реестрами, поступил в Музей от Козлова — русского генерального консула в Северной Америке,[2] а коллекция одежды с Филиппинских островов — от генерального консула Филиппин — Добеля.[3]

Многочисленные поступления прибывали и от правителя Российско-американской компании члена-корреспондента Академии Наук М. М. Булдакова, который присылал шкуры и чучела различных животных и птиц из Америки («крокодил из реки Гумбеза Западной Америки, из-под экватора», «топорок-птица из Ново-Архангельска», «глупыш», «рябчик калифорнийский», 3 сороки, «шкура черного волка») и из других областей («чучело редкого тигра с мыса Доброй Надежды», колючее растение с Сандвичевых островов, «касаткины челюсти» из Тихого океана и др.). Ему же Кунсткамера обязана и значительными коллекциями из Японии и, в частности, по культу последней: «Кумирни с идолами из залива Янива Острова Сахалина», «ящик лаковый со свечами», «раковина оправленная, употребляемая скитающимися духовными», «шапка духовными употребляемая», разные книги.[4]

Таким образом, ряд ученых и просвещенных деятелей, занимавших места в дипломатических миссиях и торговых компаниях, способствовали обогащению Кунсткамеры.

Не меньшую роль отечественные ученые и люди, близкие к науке, также сыграли в деле обогащения коллекций местным материалом. В числе таких активнейших пополнителей Музея в конце XVIII в. следует назвать Е. Р. Дашкову, которая пожертвовала в Кунсткамеру несколько минералогических коллекций, а в период своего управления Академией Наук

---

[1] Там же, оп. 2 — 1807 г., §§ 65, 96; 1808 г., § 24; оп. 133, №№ 12, 13, 15, 16. — Описание этого мамонта было составлено в 1809 г. П. Загорским, поместившим специальную статью по этому вопросу в «Технологическом журнале АН», 1809, т. VI, ч. 1, стр. 132—134.

[2] Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1821 г., § 389; оп. 1805 г., № 1; 1805—1828 гг., л. 78.

[3] Там же, л. 87.

[4] Там же, оп. 2 — 1814 г., § 117; 1819 г., § 166; ф. 2, оп. 1 — 1816 г., № 195 и др.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

(1783—1796 гг.) приобрела для Музея значительное число ценных собраний: минералогическую коллекцию А. А. Нартова (1763 образца), две коллекции А. В. Раздеришина из Нерчинска, коллекцию Д. И. Хвостова (1935 экз.), Н. Я. Озерецковского (760 минералов), собрание с Урала И. Ф. Германа и многое другое.[1]

Химик и минералог, вице-президент Горной коллегии, А. А. Мусин-Пушкин ряд лет работал по обследованию естественных богатств Кавказа. В 1796 г. он был избран почетным членом Академии Наук и получил ряд инструкций и специальных научных поручений от Академии.[2]

Помощником его являлся уже известный нам М. И. Адамс. В протоколах заседаний Конференции Академии Наук неоднократно упоминаются их имена в связи с присылкой с Кавказа посылок с минералами, гербарием, семенами и другими образцами местной фауны и флоры.[3]

Видную роль в увеличении числа отечественных коллекций сыграли академики В. М. Севергин и Н. Я. Озерецковский, имена которых нами уже неоднократно упоминались. Василий Михайлович Севергин был крупнейшим минералогом, продолжателем идей М. В. Ломоносова в этой области и страстным популяризатором научных достижений. Он написал большое количество трудов, в которых впервые в России и в Западной Европе заложил основы нового раздела минералогической науки — описательной петрографии, впервые дал четкое определение и классификацию горных пород и ввел новую научную терминологию в русскую литературу. В 1807 г. он составил 2-томный минералогический словарь, а в 1809 г. выпустил обширный труд под названием «Опыт минералогического землеописания Российского государства».[4] Этот труд, подробно описывающий горные породы России в географическом аспекте по губерниям, явился осуществлением задачи, начатой еще М. В. Ломоносовым. С изданием этого научного свода по минералогии Севергин становится общепризнанным основополож-

---

[1] А. Ф. Гебель. Минералогический Музей. Сб. «Очерк истории музеев Императорской Академии Наук», 1865, стр. 62—63.

[2] Инструкция по минералогии была написана В. М. Севергиным, по ботанике — И. И. Лепехиным, а по исследованию производительных сил края — Н. Я. Озерецковским (см.: Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1800 г., §§ 36, 41, 45, 46, 52).

[3] Протоколы АН, т. VI, стр. 886, § 55, стр. 1077; § 135. — Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1804 г., § 36; 1804 г., § 71 и др.

[4] В. М. Севергин. Опыт минералогического землеописания Российского государства, ч. ч. I, II. СПб., 1809.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

ником русской топографической минералогии и петрографии.[1] Из своих многочисленных экспедиций ученый присылает и привозит различные экспонаты для Кунсткамеры. Так, в 1803 г. от него поступает коллекция каких-то «естественных предметов», а в 1804 и 1805 гг. — минералы и чучела птиц, собранные в Финляндии.[2]

18 июля 1804 г. Конференция Академии Наук постановила передать В. М. Севергину ключи от Минерального кабинета и поручить ему «надзирание» за хранящимися в нем коллекциями.[3] Сохранившиеся документы говорят о том, что Севергин отнесся со вниманием к научному руководству этим отделом музея. Он наладил научный обмен с рядом ученых и ходатайствовал о приобретении интереснейших коллекций того времени. Так, например, из протокола от 23 января 1805 г. (§ 44) мы узнаем, что из дублетного фонда Минерального кабинета была отобрана коллекция образцов русских ископаемых для норвежского ученого Цетти, который несколькими месяцами позже[4] прислал взамен коллекцию из 94 минералов Норвегии.

В декабре следующего (1806) года по настоянию Севергина было решено приобрести коллекцию Шеншина, состоящую из «искуственных кристалов, камней и металлов в 800 экземпляров, отборных редких минералов в 1200 экземпляров, редких раковин в 1500 экземпляров и кораллов в 100 экземпляров».[5]

С 1807 г.[6] В. М. Севергин начинает работу по переделке минералогической экспозиции в соответствии с последними достижениями науки. Под его руководством составляются новые каталоги для русских и «чужеродных» минералов, первые из которых он располагает по системе Карстена и Гаю,[7] а из русского дублетного фонда составляет коллекции по минеральной географии России.

Акад. Николай Яковлевич Озерецковский был по существу последним директором Кунсткамеры, которой он руководил

---

[1] А. И. Резников. Академик В. М. Севергин и его роль в истории петрографии. Прир., 1951, № 10, стр. 70—74.
[2] Архив АН, ф. 1, оп. 2 — 1804 г., § 114; 1805 г., § 19.
[3] Там же, ф. 1, оп. 2 — 1804 г., § 292.
[4] Там же, оп. 1[а], № 16 — 1805 г., § 512.
[5] Там же, № 17 — 1806 г., § 483.
[6] Там же, № 18—1807 г., § 36.
[7] Карстен (1722—1852 гг.) — известный немецкий металлург, автор первого научного курса по металлургии железа «Eisenhüttenkunde». Гаю (1743—1822 гг., аббат Рене-Жюст) — французский минералог, создатель научной кристаллографии. Его именем назван минерал — «гаюин».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

с 26 мая 1800 г.[1] вплоть до своей кончины, последовавшей 28 февраля 1827 г.[2] Он был связан с Академией Наук с юношества. Попав в возрасте 17 лет в экспедицию И. И. Лепехина и живо заинтересовавшись деятельностью краеведа-натуралиста, он проработал в этой области всю свою жизнь. Будучи широко образованным человеком, Озерецковский написал значительное количество ученых трудов, но более всего увлекался полевыми исследованиями. «Он для исследования натуральных вещей, — пишет директор Академии Е. Р. Дашкова в его характеристике, поданной в 1792 г. в Сенат, — целые восемь лет путешествовал по России как сухим путем, так и морями, собирая все естественные произведения для Академии. И в последнем своем путешествии по озерам Ладожскому и Онежскому, которым описание издал он в свет, открыл гору, гранатами изобилующую, близ Ладожского озера, железную руду на острове Валааме и множество мрамора на реке Тельме, впадающей в Онежское озеро. Сверх того собрал знатное количество различных минералов и других натуральных тел, которыми приумножил собрание редкостей в Императорской Кунсткамере».[3]

В течение последующей своей жизни Озерецковский совершил еще ряд путешествий, главным образом по Северному и Озерному краю, и продолжал «обогащать академические кабинеты» собранными им коллекциями.[4] Излюбленным типом его работ были научные мемуары, которые отличались скрупулезной точностью, благодаря чему для специалистов, интересующихся краеведением и, в частности, исторической геологией и ботаникой, они не утеряли своего интереса и по сей день.[5]

Озерецковский был страстным популяризатором научных достижений и много сил и времени положил на издание различных трудов для «распространения полезных знаний и воз-

---

[1] Протоколы АН, т. IV, стр. 815, § 90.

[2] С 6 марта 1797 г. вплоть до мая 1800 г. руководство Кунсткамерой было временно возложено на адъюнкта Академии — Ивана Фомича Буссе (Протоколы АН, т. IV, стр. 558, § 61), который был принят в Академию 19 сентября 1788 г. на место умершего унтер-библиотекаря Бакмейстера (Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 365, л. л. 169, 170). Недолгая работа Буссе носила чисто хозяйственный характер, а поэтому освещения в данной работе не получает.

[3] Архив АН, р. V, оп. 0, № 3; ф. 3, оп. 1, № 403, л. 110. — М. И. Сухомлинов. История Российской Академии. Сб. Отд. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наук, вып. 2, СПб., 1875, стр. 314.

[4] М. И. Сухомлинов, ук. соч., стр. 313.

[5] В. Некрасов. Академик Н. Я. Озерецковский. Краеведение, 1927, № 1, стр. 73—74.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

буждения любопытства к оным». Он стремился донести до народа эти знания также путем публичных лекций, организуемых непосредственно в помещении Кунсткамеры и сопровождавшихся демонстрацией музейных коллекций. Вынув из шкафа чучело животного, — вспоминает слушавший эти лекции в 1800 г. литератор Н. И. Греч,[1] — Озерецковский передавал его по кругу, «объясняя признаки стоявшим вокруг него слушателям». «С чувством искренней благодарности, — добавляет Греч, — вспоминаю об этих лекциях, доставивших случай к развитию моих понятий и к приобретению основательных сведений о некоторых предметах». Работа по популяризации знаний при помощи коллекций Музея являлась как бы логическим продолжением пути ученого. Помощником Озерецковского по Музею являлся Осип Петрович Беляев. Он работал при Кунсткамере и Библиотеке с 1783 г., первоначально в качестве переводчика,[2] с 1789 г. в качестве кунсткамерского «помощника»,[3] а с 1797 г. — унтер-библиотекаря, в должности которого и проработал вплоть до дня своей смерти (1807 г.).

В 1793 г. Беляев опубликовал каталог-путеводитель по Императорскому кабинету.[4] Этот каталог описывал мемориальную экспозицию Кунсткамеры, посвященную Петру I, и был снабжен многочисленными историческими справками и случаями из жизни, заимствованными как из уст очевидцев,[5] так и из капитального труда о Петре I того времени — «Деяния Петра Великого» И. И. Голикова.[6]

В 1800 г. путеводитель был переиздан (рис. 65) с прибавлением второй и третьей частей, включающих «историческое описание всех вообще, как естественных, так и искусственных вещей, в Кунсткамере сохраняющихся»,[7] и «описание российских и иностранных минералов, окаменелостей разного рода, кораллов и мадрепоров (особый вид кораллов, — *Т. С.*) и, наконец, как древних, так и новейших российских и иностранных монет».[8]

Издание, как указывает сам автор, было рассчитано не столько на тех, кто мог лично видеть собственными глазами

---

[1] Н. И. Греч. Воспоминания. Русск. архив, 1873, кн. 1, стр. 710.
[2] Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 365, л. л. 165—170; № 371, л. 160; № 384, л. 163 и др.
[3] Там же, оп. 1, № 565, л. 833; оп. 2, № 155.
[4] О. П. Беляев. Кабинет Петра Великого. СПб., 1793.
[5] О. П. Беляев, ук. соч., СПб., 1800, отд. I, стр. 48, 51 и др.
[6] Там же, отд. I, стр. 40, 41, 52, 59, 63 и др.
[7] Там же, отд. II, стр. 287.
[8] Там же, отд. III, стр. 276.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

все сохраняющиеся в музее «сокровища, как для таковых, кои или по причине отдаленности, или по другим каким либо препятствиям, лишены удовольствия самолично оные видеть».[1]

Часть вторая каталога начиналась с исторической справки, перечисляющей основные поступления до 1799 г. включительно, давала цифровые данные о фондах Академической библиотеки и затем, в связной форме, описывала анатомические, зоологические и этнографические коллекции Кунсткамеры.

Описания снабжены маршрутом, таблицами, в которых указано, в каком «ярусе» что выставлено, и многочисленными забавными анекдотами, а также описаниями нравов животных и людей. Особенно большое количество примечаний сопровождает описание этнографических коллекций. Здесь имеются сведения по антропологии и этнографии японцев, китайцев, алеутов, остяков, самоедов, тунгусов, бурят, киргиз, чукоч, персов, североамериканских индейцев и многих других.

Для составления примечаний по нравам животных автор, по всей вероятности, пользовался уже несколько устарелыми работами Бюффона, для этнографических — работами русских путешественников второй половины XVIII в., многие из которых были опубликованы к этому времени.

Часть третья каталога дает описание коллекций Мюнц-кабинета, геологического собрания и кораллов, экспонируемых в Кунсткамере. Описание их также перемежается таблицами и сопровождается многочисленными примечаниями, заимствованными в разделе, посвященном геологии, главным образом из «Путешествия» П. С. Палласа.

Связное и тщательно составленное описание хранящихся в Музее коллекций, наличие многочисленных примечаний, а также имеющиеся в ряде случаев ссылки на использованные источники указывают на то, что описанная работа переросла рамки каталога.

Для начала XIX в. она явилась своеобразной энциклопедией, дающей в несколько наивной, с нашей точки зрения, форме довольно значительный запас фактических данных по естественным наукам, истории и этнографии.

Назначение О. П. Беляева унтер-библиотекарем не оторвало его от столь хорошо изученных им коллекций Кунсткамеры. Как указывалось выше, носитель этой должности объединял в своих руках всю работу по Библиотеке и Кунсткамере, подчиняясь лишь директору этих учреждений из академиков.

---

[1] О. П. Беляев, ук. соч., Предисловие.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

КАБИНЕТЪ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ,

содержащее въ себѣ подробное описаніе восковаго Его Величества изображенія, военной и гражданской одежды, собственноручныхъ Его издѣлій, и всѣхъ вообще достопамятныхъ вещей, лично Великому сему Монарху принадлежавшихъ, и нынѣ въ Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ Кунсткамерѣ сохраняющихся, съ присовокупленіемъ къ нимъ четырехъ гравированныхъ фигуръ.

ИЗДАНО

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію,

Императорской Академіи Наукъ Унтеръ-Библіотекаремъ

Осипомъ Бѣляевымъ.

Въ Санктпетербургѣ,

Печатано въ Императорской Типографіи

1800 года.

Рис. 65. Титульный лист описания Кунсткамеры О. П. Беляева.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

На место «помощника» с 1797 г. был назначен титулярный советник Иван Алексеев, работавший до этого времени много лет при Музее в качестве чучельщика. Помимо него, в 90-е годы XVIII и начале XIX в. при Кунсткамере работали: студент Александр Кондратович, «у исправления письменных дел» Богдан Гер, рисовальщики — Александр Захаров и Николай Астапов и «маляр зверей и цветов Иоган Пецольд».[1]

Популярность Кунсткамеры к началу XIX в. еще более возросла. Приток посетителей был неистощим, и служащие Музея постоянно жаловались на «всегдашнюю докуку, причиняемую канцелярии любопытствующими видеть Кунсткамеру, настоятельными требованиями для входа билетов».[2]

Кто же составлял основную массу посетителей Музея? Помещенная над дверями первого зала Кунсткамеры выдержка из Наказа[3] Екатерины II:[4] «Хотите предупредить преступление? Сделайте, чтобы просвещение распространялось между людьми!» — казалось бы должна была нацеливать на обслуживание наименее культурных слоев населения. Однако эта выдержка, впрочем, как и весь «Наказ» в целом, являлась не более как лицемерными фразами, которыми императрица так любила прикрывать свою далеко не «демократическую» внутреннюю политику.

В объявлениях, периодически помещаемых администрацией Академии Наук в «Санктпетербургских Ведомостях», классовая политика дворянско-помещичьего государства сказывалась более откровенно. В конце объявлений имелся особый пункт, извещавший, что «ливрейные слуги и чернь совсем не будут впускаемы».[5] Эта оговорка крайне показательна. Она одновременно говорила о стремлении широких народных масс к просвещению и о тех препонах, которые господствующие классы царской России ставили на пути к нему.

Основной контингент посетителей составляли, повидимому, представители так называемых «средних классов» русского общества: мелкие чиновники и иной служилый люд, передовое купечество, учащаяся молодежь и количественно растущая с каждым годом военная и гражданская интеллигенция. В цитировавшихся выше записках Греча, в частности, упоми-

---

[1] Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 365, л. л. 165—169; № 384, л. 163; № 390, л. л. 187—270; оп. 2, № 155 и др.

[2] Там же, оп. 8, № 24, л. 3.

[3] О. П. Беляев, ук. соч., ч. II, стр. 19.

[4] Этот наказ был составлен для комиссии, созванной в 1767—1768 гг. для выработки нового законодательства.

[5] Санктпетербургские Ведомости, 1802, № 54.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

нается, что «в числе слушателей были многие морские и горные офицеры».

К началу XIX в. относится появление даже своего рода «заявок» на коллективное посещение Музея. Так, например, среди документов сохранилось доношение правления Александровской мануфактуры, датированное июнем 1803 г., с просьбой предоставить ей 15 билетов на вход в Кунсткамеру.[1] В ответ на эту просьбу администрация Академии объявила, а позже поместила в «Прибавлении к ,,Санктпетербургским Ведомостям''» официальное уведомление, что в связи с большим количеством «любопытствующих» Музей будет открыт с 4 июля ежедневно целую неделю и впуск в него будет «беспрепятственно без билетов».[2] «Дабы от стечения множества любопытствующих зрителей не произошло какого-либо беспорядка», приказ по Академии гласил: «отрядить на то время в помещении унтер-библиотекарю Беляеву из канцелярии г. советника Попова, губернского секретаря Михайлова и канцеляриста Шиюхина, из гимназии студентов Тенигина, Горюнкова и Рябинина, равномерно быть при впуске экзекутору Ларионову и губернскому секретарю Кесареву, что им и объявить».[3] Иначе говоря, ожидался очень значительный наплыв посетителей, поскольку, помимо штатных работников Библиотеки и Кунсткамеры, назначено было 8 дополнительных дежурных от Академии.

По регламенту Академии Наук 1803 г. количество штатных единиц, предназначенных для обслуживания Кунсткамеры и Библиотеки, оставалось почти неизменным. Штат их состоял из библиотекаря, помощника библиотекаря, надзирателя Музея, его помощника («из адъюнктов»), писца, чучельщика и 10 сторожей. Семь из них должны были находиться «без отлучки при назначенных им местах», наблюдая за чистотой помещения и сохранностью экспонатов.[4]

Библиотекарь и надзиратель Музея избирались Конференцией Академии из академиков, путем голосования. Они отвечали за целостность порученных им собраний, но по своей воле не имели права производить никаких перемен, за исключением «поправления оных или умножения». Каждый академик имел право вносить предложения, касающиеся улучшения

---

[1] Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 28, л. 1.

[2] Там же, л. 2; см. также: Прибавление к Санктпетербургским Ведомостям.

[3] Архив АН, ф. 3, оп. 8, № 28, л. 4.

[4] Там же, ф. 2, оп. — 1805 г., № 1, л. л. 6 и 7; Протоколы АН, т. IV, стр. 1183—1185.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

Библиотеки или Кунсткамеры, однако все коренные изменения решались Конференцией и только с одобрения президента.[1]

В 1805 г. помощником надзирателя Музея числился, как нами об этом уже говорилось, Иван Алексеев. Из подробной инструкции, выданной ему в этом же году, выясняется, что к началу XIX в. функции помощника еще более сужаются. Соответственно этому расширяются функции «господ академиков имеющих надзирание над разными частями Музея», в руках которых хранились не только печати, но и «ключи от кабинетов и шкафов в Кунсткамере имеющихся». Для посылок и других нужд академиков, «имеющих над сими отделами надзирание», было назначено 3 вестовых, которые должны были в конторе Кунсткамеры «чрез целый день быть без отлучны и один из оных, чередуясь в оной ночевать».[2] Во главе отделов, к началу века, стояли следующие лица: минералогического кабинета — акад. В. М. Севергин; анатомического — адъюнкт, а с 1807 г. академик, П. А. Загорский и зоологического — акад. Ф. А. Севастьянов. Все они являлись крупными специалистами в своей области, авторами многочисленных научных работ. В периодических изданиях Академии Наук этого времени часто можно встретить работы В. М. Севергина, посвященные Минералогическому кабинету Кунсткамеры и различным вопросам минералогии, написанные по материалам Музея,[3] труды по анатомии П. А. Загорского[4] и зоологические работы Ф. А. Севастьянова.[5]

Во время руководства Кунсткамерой Озерецковским она значительно пополнилась новыми материалами в части зарубежных коллекций, поступивших из морских и сухопутных экспедиций, а также из вновь осваиваемых областей на Дальнем Востоке и в русских владениях в Америке. Сам ученый,

---

[1] Регламент АН 1803 г., §§ 117—119; Протоколы АН, т. IV, стр. 175.

[2] Архив АН, ф. 2, оп. — 1805 г., № 1 — 1805—1829 гг., л. л. 6 и 7.

[3] Обзор Минералогического кабинета. Технолог. журн., т. XI, в. 1, 1814; Известия о воздушных камнях и аэролитах, хранящихся в музее. Там же, т. VIII, ч. II, 1811; О минералах с Камчатки. Тр. Акад. Наук, ч. III, 1823 и др.

[4] Сравнительное описание слонового скелета. Умозрит. иссл. имп. Акад. Наук, т. I, 1808; Донесение о мамонте. Технолог. журн., т. VI, ч. 2, 1809; Обозрение человеческих уродов. Умозрит. иссл. имп. Акад. Наук, т. III, 1812, а также см.: т. IV, 1815, т. V, 1819 и др.

[5] О мамонте. Технолог. журн., т. VI, ч. I, 1809; О новых открытиях. Умозрит. иссл. имп. Акад. Наук, т. I, 1808; т. III, 1812; Описание трех новых пород бразильских птиц из Музея. Тр. Акад. Наук, ч. II, 1823, и др.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

однако, на передний план ставил изучение родной страны, которое, по его мнению, должно было проводиться прежде всего русскими учеными, входившими в состав Академии. «Чужестранные оной члены для России, — утверждал он, — бесполезны — ибо всякий чужестранец, пиша не на русском языке, сообщает свои труды не России, собственно, но тому государству, на языке которого пишет». Мысль эта высказывалась Озерецковским в записке о состоянии Академии Наук, которая была составлена группой русских академиков с ним во главе и подана Александру I при вступлении его на престол. В этой же записке констатировалось, что наука в России и, в частности, ведущее научное учреждение страны — Академия Наук — находятся в совершенном тупике: одни из ценнейших членов ее умерли, другие состарились, а подготовка молодых кадров отечественных специалистов находится не на должной высоте, чем объяснялся и тот факт, что в начале XIX в. основная масса коллекций прибывала в Кунсткамеру от лиц, формально не связанных с Академией. Экспериментальная база отечественной науки, — продолжала записка, — Химическая лаборатория, Анатомический театр — не функционируют; Физический кабинет и Музей задыхаются от тесноты. Помимо этого, сообщалось там же, музейное собрание «не только не приумножается, но еще убывает, ибо, истребляющиеся от времени вещи не возобновляются другими, даже такими, которые в областях России в изобилии находятся».[1] Все изложенные в записке факты достаточно ярко иллюстрировали плачевное состояние, в котором находилась к началу XIX в. Академия Наук в целом, и настойчиво требовали реформ. Требовал реформ и Академический музей, хранение экспонатов в котором, действительно, из-за скученности было не на высоком уровне. Однако коренные изменения в его структуре были произведены лишь четверть века спустя, и руководитель его — Н. Я. Озерецковский делал все возможное в этих условиях для сохранения и пополнения коллекций по различным областям России. К числу таких попыток можно отнести предпринятое в 1811 г. «путешествие чучельщика Филиппова в Астрахань».[2] Поездка эта была тщательно подготовлена. Петр Филиппов — опытный мастер, принимавший участие в экспедиции Лангсдорфа, получив различное оружие (фузея, штуцер), инструменты и материалы,

---

[1] М. И. Сухомлинов, ук. соч., стр. 364.
[2] Архив АН, ф. 4, оп. 2 — 1811 г., № 614.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

был отправлен в Астрахань «для стреляния и ловления зверей, птиц, рыб и насекомых».[1] Он прибыл туда 26 августа, но не смог как следует развернуть работу, так как начиналась уже осень, «в которое время года животные и прочее, кроме рыб, удаляются от астраханских предместий в южные места на далекое расстояние, то посему и достаточно достать не возможно до будущей весны, то есть когда оне возвратятся», — сообщал он в своем рапорте.[2] Академия начала переписку со своим корреспондентом в Астрахани А. И. Лохтиным об отправке Филлипова весной 1812 г. «для добывания больших животных как-то кабанов, коз и пр. . . . в калмыцкие владения» [3] и 12 июня этого же года получила от него первую посылку, включавшую 20 чучел с реестром,[4] и вскоре вторую.

Однако на этом, повидимому, дело и кончилось. Наступившая война с Францией отвлекла внимание от этой поездки, и в позднейших документах имеется лишь возражение на предложение наградить Филиппова, так как большая часть доставленных им животных, — говорится в отзыве, — «такие, которые находятся и здесь, и не таких животных, кои принадлежат собственно тому краю».[5]

В сентябре 1812 г., в дни величайшей опасности, нависшей над страной (2 сентября французские войска вступили в Москву), царское правительство «для предосторожности» распорядилось вывезти из столицы некоторые государственные ценности, в том числе ценности, хранившиеся в Эрмитаже и Академии Наук. В числе академических ценностей секретное распоряжение предписывало вывезти «нужнейшие бумаги из Академического Архива, самые драгоценные вещи в кабинетах находящиеся и восковое изображение Петра со всеми вещами к кабинету оного принадлежащими». Как явствует из дальнейшей переписки, для эвакуации из всей огромной массы архивных дел были отобраны только правительственные указы, журналы и протоколы Академии Наук, а также «дела, касающиеся до первого основания Академии».[6] Из Библиотеки были отобраны лишь ценнейшие манускрипты, заполнившие 27 ящиков, а из коллекций Кунсткамеры «все

---

[1] Архив АН, ф. 4, оп. 2 — 1811 г., № 614, л. 16.
[2] Там же, ф. 2, оп. — 1805 г., № 1; оп. — 1805—1829 гг., л. 40.
[3] Там же, л. 49
[4] Там же, л. 48.
[5] Там же, л. 59.
[6] Указ от 6 сентября 1812 г. (Архив АН, ф. 4, оп. 2 — 1812 г., №№ 34, 280, л. л. 2, 3, 40 об.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

иностранные редкости, как-то китайские и японские» (32 ящика), «лучшие минералы и изкопаемые» (5 ящиков), ценнейшие инструменты из Физического кабинета и весь кабинет Петра Первого с принадлежащими к оному редкостями».[1] Приведенный список говорит о слепом преклонении администрации Академии Наук перед всем иностранным. В число спасаемых от возможной гибели русских национальных богатств прежде всего попадают иностранные, часто имевшие лишь рыночную ценность вещи, тогда как ценнейшие зоологические, минералогические и этнографические коллекции в число эвакуируемых предметов не были включены.

Укладка перечисленных вещей была закончена к 14 сентября и ящики, с соблюдением тайны, перевезены на Крохинскую пристань.[2] Ответственным лицом за пересылку их был назначен акад. Севастьянов, получивший в свое распоряжение унтер-библиотекаря Богдана Гера, губернского секретаря Ивана Воробьева, 6 солдат и унтер-офицера Шигаева.[3] Перед отъездом всем сопровождающим было выплачено жалованье и выданы теплые вещи.[4] Архивные документы, а также поступившие из академической типографии 300 медных досок с выгравированными картами и иллюстрациями были погружены на сойму,[5] а коллекции Кунсткамеры, к которым были присоединены не известные нам вещи из Медико-хирургической академии, — на галиот «Святой Николай». Оба корабля отправились в путь 29 сентября 1812 г. Назначение их первоначально было засекречено. В начале ноября того же года в Петербург поступил рапорт от ответственного за доставку архивных документов Ивана Воробьева, что сойма, на которой он отправился, «не взирая на все опасности которыми угрожали своими порогами Свирь и бурное Онежское озеро», прибыла по назначению в город Петрозаводск, где для хранения привезенных вещей он занял каменную кладовую, «способную для помещения и прочих академических вещей и безопасную от пожарного случая».[6] Что же касается галиота, то судьба его некоторое время оставалась неизвестной. Были предпри-

---

[1] Архив АН, ф. 4, оп. 2, № 280, л. л. 6—7, 51, 52 и др.

[2] Крохинская пристань находилась в бывшей Новгородской губернии, при истоке р. Шексны из Белого озера, и являлась основным перевалочным пунктом Мариинской системы.

[3] Архив АН, ф. 4, оп. 2 — 1812 г., №№ 34, 280, л. 7; № 35, л. л. 48, 50, 51 и др.

[4] Там же, № 35, л. 50.

[5] Сойма — ладожское легкое парусное судно.

[6] Архив АН, ф. 4, оп. 2—1812 г., № 34, л. л.40 и 41.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

няты розыски, в результате которых установили: «за неимением для препровождения чрез пороги нужных тяглецов и по причине противного ветра», «Святой Николай» 25 октября 1812 г. остановился у деревни Капустино (в 100 км от Петрозаводска), «где оный по упорному льду от которого через два дни Свирь река замерзла, зимовать остановился».[1] Все находящиеся на нем вещи в полной сохранности были выгружены и сложены в деревне, но в связи с победами на театре войны, а также «по неудобству помещения» было решено не дожидаться весны, а вернуть вещи немедленно «сухим путем».

В помощь унтер-библиотекарю Геру был отправлен титулярный советник Степанов с 3 кунсткамерскими сторожами и унтер-офицером. «Для найма подвод и прочего» ему было выдано 600 рублей, которых оказалось далеко не достаточно. Из отчета Степанова известно, что доставка каждого пуда вещей в столицу обошлась по 1 руб. 25 коп., что при общем их весе в 812 пудов составляло сумму в 1015 руб., а с покупкой необходимых упаковочных материалов и теплых вещей для сопровождающих обоз сторожей — 1247 руб. наличными.[2]

13 декабря 1812 г. все отправленные в Петрозаводск вещи были водворены в Архив и Кунсткамеру.[3]

В ближайшее же время коллекции были разобраны и постепенно расставлены в 11 залах, из-за царившей там тесноты «хотя не совершенно в систематическом порядке, но разные предметы отделены один от другого и расставлены по возможности и удобству местоположения в довольно красивом виде».[4] Одним из первых для обозрения был открыт отдел минералогии. Возглавлявший работу в нем Севергин разместил экспонаты по новой системе и снабдил их печатным этикетажем. В составленном им для публикации описании этого отдела[5] он подчеркивал значение минералогии для народного хозяйства и призывал к практическому овладению основами этой науки. Роль Музея для подобных целей, — указывает он, — незаменима, ибо «каждый минеральный кабинет есть собрание первоначальных литер, извлеченных из той великой книги Природы, коей содержание скрыто в нед-

[1] Архив АН, ф. 4, оп. 2 — 1812 г., № 34, л. 42.
[2] Там же, л. л. 50, 60, 62; № 35, л. л. 60 и 61.
[3] Там же, № 34, л. 62.
[4] Там же, ф. 2, оп. — 1827 г., № 3, л. 13.
[5] В. М. Севергин. Обозрение Минерального кабинета императорской Академии Наук. Технолог. журн., т. XI, ч. 1, 1814, стр. 1—115.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

рах земного нашего шара. Цель его есть чтоб по оному подобно как по азбуке добираться до истолкования смысла оныя книги. Истинную пользу же приносит он тогда, когда вещи к оному принадлежащие собраны, приноровлены и расположены так, чтоб мы в сей азбуке могли уразуметь все те отличительные знаки, кои природа в них напечатала».[1]

Руководствуясь изложенными целями, Севергин развернул экспозицию по-новому: в старых помещениях Минералогического кабинета он оставил коллекции русских и иностранных минералов, а в большом зале 2-го этажа, занимаемом ранее Библиотекой, разместил «Учебный кабинет» по системе Гаю и Географический «по системе, названной отечественной», т. е. по 2 принципам — систематическому и географическому, по губерниям. В нем были представлены минералы Петербургской, Московской, Новгородской, Тверской, Витебской, Эстляндской, Финляндской, Олонецкой, Вологодской, Пермской, Томской, Иркутской губерний, Курильских и Алеутских островов,[2] Грузии, Валахии и других областей России.[3]

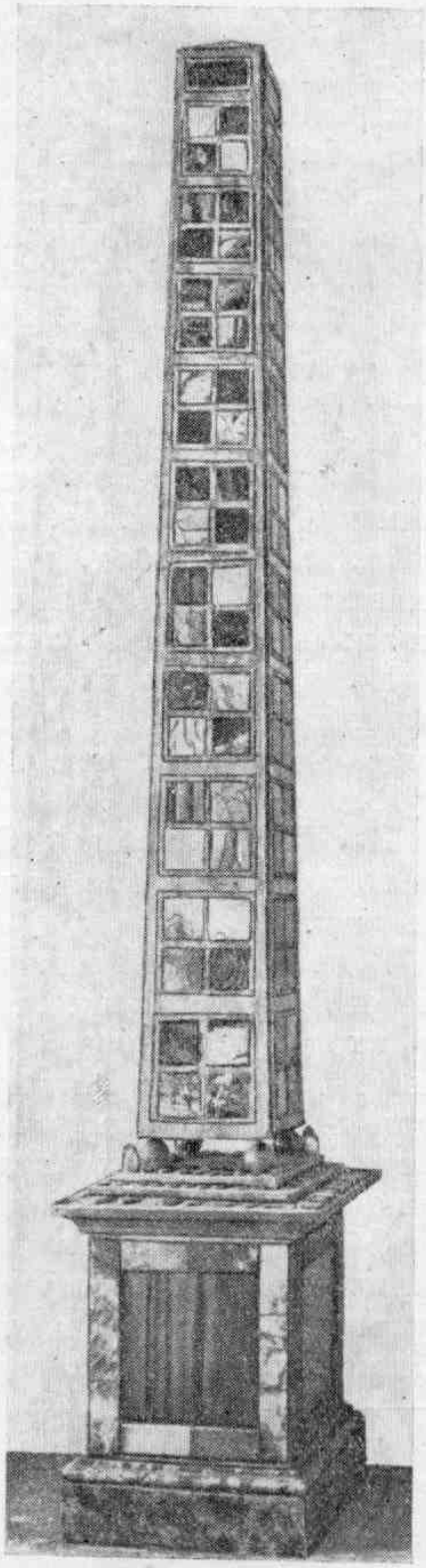


Рис. 66. Пирамида из русских самоцветов, поднесенная в Кунсткамеру мастерами Петергофской гранильной фабрики. (Минералогический музей АН СССР, Москва).

[1] В. М. Севергин, ук. соч., стр. 27.

[2] Первые образцы с Курильских островов поступили в 1775 г.

[3] В числе экспонатов, характеризующих минеральные богатства Петербургской губернии, имелся ряд декоративных пирамид из топазов и других встречавшихся в этой губернии камней, которые были изящно обработаны и поднесены в Кунсткамеру (1770 г.) мастерами Петергофской гранильной фабрики (Архив АН, ф. 3, оп. 1, №№326, 377).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

Центральную часть зала занимали модели кристаллов и заводских печей.

Предоставление библиотечного зала под музейную экспозицию объяснялось, по всей вероятности, тем, что надобность в большом читальном зале отпала. В этом (1814) году, в связи с открытием Публичной библиотеки,[1] большая часть посетителей стала пользоваться читальным залом последней, а служащие самой Академии работали там редко и раньше, предпочитая выписывать книги в свои служебные и домашние кабинеты.

Из-за громадной тяжести минералогических коллекций они вскоре были перемещены в зал 1-го этажа, также принадлежащий Библиотеке. Книги в этом зале, повидимому, продолжали оставаться, но по бокам и в центре его были размещены многочисленные «особые шкафы и столы», т. е. вертикальные и горизонтальные витрины с экспонатами.

Из нового путеводителя Севергина известно, что «Минеральный кабинет в новом оного перемещении, разборе и расположении» был вновь открыт для публичного обозрения в 1820 г.[2]

В «Прибавлении к Санктпетербургским Ведомостям» того же года это событие было отмечено специальным «Предуведомлением».[3]

В центральной части вновь занятого зала и первой галерее его были помещены русские минералы. В галерее, налево от входа, — минералы иностранные, расположенные попрежнему, по системе Вагнера[4] и Гаю. Здесь же были выставлены горные породы зарубежных стран, окаменелости, а также модели строения кристаллов, по всей вероятности, из упоминавшейся коллекции Шеншина, метеориты и аэролиты.

Образцы метеоров имелись в Кунсткамере в значительном количестве. Они поступали из Сибири,[5] с Украины,[6] из Белоруссии[7] и даже служили предметом научного обмена. Такой обмен образцами был произведен с Венским музеем в апреле

---

[1] Библиотека Академии Наук СССР, 1728—1929. Краткий исторический очерк и путеводитель, Л., 1929, стр. 7.

[2] В. М. Севергин. Краткая опись Минеральному кабинету императорской Академии Наук по новому его расположению. СПб., 1821.

[3] Прибавление к Санктпетербургским Ведомостям, 1820, № 93.

[4] М. Вагнер — путешественник и естествоиспытатель, владелец богатой минералогической коллекции.

[5] Архив АН, ф. 2, оп. — 1818 г., № 1.

[6] Там же, ф. 1, оп. 1а, № 15—1804 г., § 2 — 1805 г., § 72.

[7] Там же, № 20—1809 г., § 143.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

1809 г., куда были посланы аэролиты, найденные близ Смоленска и Харькова.[1]

В центре зала были выставлены «Палласово железо», «смоленский аэролит», «эльбское железо» и различные магниты.[2]

Вопрос о метеоритах в это время вызывал, повидимому, горячий интерес русского общества, в результате чего в литературе появляется ряд работ, специально им посвященных. Такими являются прежде всего «Известия о воздушных камнях, или аэролитах, хранящихся в музее» В. М. Севергина,[3] работа члена-корреспондента Академии Наук Т. С. Борноволокова «О камнях, падающих из атмосферы» и др.[4]

Общее количество образцов минералов, помещенных на экспозиции, достигало 20 тыс.

В других отделах Музея, расположенных в 1-м этаже здания, также были произведены кое-какие нововведения, главным образом по линии пополнения. Сбору зоологических коллекций было посвящено уже немало страниц в данной главе работы. Что касается анатомического собрания, то оно хотя и менее интенсивно, но неуклонно продолжало пополняться. Сведения об этом имеются как в литературных источниках,[5] так и в документах. В числе пополнителей Музея можно встретить представителей самых различных слоев русского общества. Так, например, от мастерового Сестрорецкого завода Исаака Панружева поступил 2-головый теленок — монстр,[6] — а «два мертвыя младенца женска пола сросшихся грудьми и животами вместе и имеющие настоящее основание человека» — от знаменитого полководца Михаила Илларионовича Кутузова.[7]

Значительный интерес также представляла расположенная в круглом зале 1-го этажа выставка кораллов, мадрепоров, раковин и «разных морских произведений», поступавших в изобилии из дальневосточных экспедиций и кругосветных «вояжей» русских мореплавателей. Книги, рукописи, монеты и другие экспонаты Азиатского кабинета, об образовании которого будет сказано ниже, экспонаты из Египта, влившиеся впоследствии в специальный Египетский музей, разместились

---

[1] Там же.
[2] Там же, ф. 4, оп. 2 — 1820—1821 гг., № 104, л. 4.
[3] Технологический журнал, т. 8, ч. II, 1811.
[4] Там же, т. 8, ч. IV, 1811.
[5] О. П. Беляев, ук. соч., ч. II, стр. 18.
[6] Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 552, л. 82 об.
[7] Там же, оп. 8, № 59, л. 2.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

в служебных кабинетах восточного крыла здания. В связи с коллекциями Азиатского кабинета вспоминается имя другого прославленного полководца России — Александра Васильевича Суворова, приславшего в Кунсткамеру из одного из своих походов «одинатцать тетрадей, писанныя на разных азиатских языках», которые, как он выразился, могут иметь интерес «к основанию ариентальной грамматики».[1]

Во 2-м этаже в 2 комнатах размещался «Императорский кабинет», в котором попрежнему экспонировалась «восковая персона» и мемориальные вещи Петра I, а в 3 залах (западном, восточном и круглом) — естественно-исторические коллекции. Они находились к этому времени в самом плачевном состоянии. Чучела млекопитающих и птиц, которыми Кунсткамера была столь богата в 70-х годах XVIII в., почти все к этому времени были уничтожены молью. При тогдашнем уровне консервации чучела могли сохраняться не более 30—40 лет, и акад. Озерецковский, несмотря на постоянную борьбу с молью, вынужден был списывать из музейного инвентаря и уничтожать зараженные чучела целыми партиями.[2]

Вновь прибывавшие для экспозиции предметы из-за отсутствия должного штата препараторов часто даже не распаковывались и лишь складывались, где возможно. Теснота, царившая в музее, была столь велика, что для хранения музейных коллекций использовался даже чердак, где хранился в нетронутых связках, в ожидании рассмотрения, академический гербарий.

Застой в академических делах и отечественная война 1812 г. также нанесли музейным коллекциям значительный урон. Из вновь поступавших коллекций выставлялись главным образом те, которые прибывали уже в виде готовых чучел. Так, были экспонированы зоологические коллекции Лангсдорфа, присланные из Бразилии, чучела из Африки и Америки, поступившие от Российско-американской компании, и ряд других. Однако и они были консервированы неудачно и очень скоро становились добычей моли.[3]

«Звери и чучела» из этих собраний, чучело азиатского слона и его скелет, скелет мамонта, а также млекопитающие и птицы, сохранившиеся из старых коллекций, были размещены в западном зале 1-го этажа. Круглый зал являлся как бы продолжением этой экспозиции. Для помещения «животных

[1] Архив АН, ф. 3, оп. 1, № 336, л. 411.
[2] Протоколы АН, т. IV, § 103.
[3] Ф. Ф. Брандт. Зоологический и Зоотомический музей. Сб. «Очерк истории Музеев императорской Академии Наук», СПб., 1865, стр. 6.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

в спирту и раковин» был отведен восточный зал 2-го этажа.[1] Здесь под руководством тогда еще начинающего, а позже известного автора многочисленных работ по палеонтологии и сравнительной остеологии, которого высоко ценил и называл в качестве одного из своих предшественников Ч. Дарвин,[2] Христиана Ивановича Пандера,[3] были размещены пресмыкающиеся, рыбы, суставчатые и мягкотелые животные в спирту и собрание раковин. Помощником Пандера был Э. П. Менетрие, работавший затем долгие годы в Зоологическом музее Академии Наук в качестве консерватора. Как видно из сказанного выше, в 20-е годы XIX в. в Кунсткамере не было специального помещения для экспонирования этнографических коллекций. Особенно интересные из них выставлялись, но не в специальном помещении, а вкрапливались как бы островками в уже описанные залы. Так, в круглом зале 2-го этажа были выставлены «этнографические предметы» и «разные произведения человеческого искусства», а в круглом зале 1-го этажа — «этнографические предметы и планетарий».[4]

Таким образом, в первой четверти XIX в. в стенах Академического музея — Кунсткамеры — скопилось громадное количество коллекций по естественной истории, искусству и этнографии, освещающих как самые разнообразные области и районы России — Финляндию, Кавказ, Среднюю Азию, Сибирь, Дальний Восток и др., так и различные зарубежные страны — Японию, Китай, Тибет, Филиппины, Австралию, Северную Америку, Бразилию, а также Гавайские и другие острова, носящие в наше время наименование Океании. Основным источником этих коллекций являлись частные собиратели и участники внеакадемических экспедиций.

Мизерный штат музейных работников, а также отсутствие в нем среднего научного персонала, необходимого для успешного разбора, определения и научного описания коллекций, приводило к тому, что большая часть поступавших коллекций, сложенная в нераспакованном виде, вовсе не использовалась в музейном и научном обиходе.

Богатые коллекции загружали ряд предназначенных ранее для экспонирования помещений, и, несмотря на то что экспо-

[1] Архив АН, ф. 2, оп. — 1827 г., № 3, л. л. 3—39.

[2] Б. Е. Райков. Эволюционная идея в трудах русских академиков. Вестн. АН СССР, 1946, № 3, стр. 43.

[3] Х. И. Пандер — уроженец г. Риги, поступил в Академию в 1720 г. (Б. Л. Модзалевский. Список членов императорской Академии Наук 1725—1907 гг. СПб., 1908, стр. 37).

[4] Архив АН, ф. 2, оп. — 1827 г., № 3, л. 14; Брандт, ук. соч., стр. 7.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.

зиционная площадь Музея была расширена за счет 2 зал, занимаемых ранее исключительно Библиотекой, в залах царила неимоверная теснота. Это перенасыщение коллекционными предметами приводило в свою очередь к тому, что экспозиция ряда разделов Музея находилась не на должном уровне.

Исключение составляли лишь экспозиции обоих восточных зал, в нижнем из которых в строгом порядке были сосредоточены богатейшие коллекции отечественных и зарубежных минералов, классифицированные и выставленные под непосредственным наблюдением акад. В. М. Севергина, а в верхнем — коллекции рыб, суставчатых и мягкотелых животных, обработанных и определенных на основании последнего слова науки проф. Х. Г. Пандером.

Только эти 2 отдела, руководимые крупнейшими учеными того времени, находились на уровне последних достижений науки.

Такое положение вещей вытекало из перенасыщенности Кунсткамеры вещевым материалом, для музейного описания и успешного научного освоения которого было необходимо усилить научное руководство каждого из отделов Музея и ввести в штат его значительное число получившего специальную подготовку научного и научно-технического персонала по каждой из дисциплин, представленных Музеем: анатомии, зоологии, ботанике, минералогии, нумизматике и этнографии.

Существенные недостатки наблюдались в Музее и по линии обслуживания. Ввиду разнообразия выставленных в нем коллекций он притягивал к себе лиц самых разнообразных специальностей в таком количестве, которое совершенно не был в состоянии удовлетворить.

Под этим предлогом администрация Академии Наук вводит ограничение количества посетителей за счет простого народа, впуск которого в музей и ранее не поощрялся, а с начала XIX в. и вовсе был запрещен.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/stanukovich_kunsktamera/
© МАЭ РАН.